18+

На Краю Совершенного Мира

Отто Диас

Отто Диас

На краю совершенного мира

«Издательские решения»

Диас О.

На краю совершенного мира / О. Диас — «Издательские решения»,

НЕЗАКОННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ, ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ АНАЛОГОВ ПРИЧИНЯЕТ ВРЕД ЗДОРОВЬЮ, ИХ НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ЗАПРЕЩЕН И ВЛЕЧЕТ УСТАНОВЛЕННУЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ.Доктор Вальтер — врач и революционер, убеждён, что общество можно изменить, начав с отдельного человека. Ради этого он ставит опасный эксперимент: берёт под опеку девочку, росшую в нищете, и пытается воспитать её заново, освободить от старого мира. Но Ида понимает «освобождение» слишком буквально, и прошлое следует за ней в новый дом.На фоне надвигающегося восстания герои сталкиваются с тем, что изменить природу человека куда труднее, чем разрушить империю.

© Диас О.
© Издательские решения

Содержание

Глава 1 6
Глава 2 13
Глава 3 16
Глава 4 20
Глава 5 23
Глава 6 28
Глава 7 31
Глава 8 35
Глава 9 40
Глава 10 45
Глава 11 48
Глава 12 53
Конец ознакомительного фрагмента. 57

На краю совершенного мира

Отто Диас

© Отто Диас, 2026

ISBN 978-5-0071-5039-2
Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1
Таинственный господин

Холод резко охватил тело. Мальчик раскрыл рот в попытке закричать, но едва вырвавшийся звук поглотила серая водная толща. Остатки кислорода быстро покинули лёгкие, всплыв маленькими, тут же лопнувшими пузырьками. В груди вспыхнуло жжение, сменившееся нестерпимой нарастающей болью. Густав попытался вырваться на поверхность, но ничего не вышло. Сквозь размытую грязную пелену мальчишка видел искажённое ужасом лицо сестры. Она крепко держала его, лишая возможности сделать спасительный вдох. Густав лихорадочно замахал руками, бил и царапал тощие запястья, извивался, как угорь, желающий выскользнуть из сети. Паника дезориентировала. Картинка смазывалась сильней. Лёгкие трещали по швам. Ещё чуть-чуть — и он не сможет сопротивляться. Тогда наступит конец. Смерть оттеснит крошечную жизнь, так и не успевшую начаться. Заслуженно ли это? Справедливо ли? Собрав остатки мужества, мальчишка пнул сестру в колено. Девочка пошатнулась, но не упала, не ослабила хватки. Тогда он ударил ещё раз, затем ещё. Ида напряглась. Внутренние сомнения, которые она тщательно пыталась запрятать, вдруг расцвели в груди: осознание всего ужаса ситуации поколебало решительность, и пальцы задрожали. Хотелось отпустить, дать себе пощёчину, но… Тогда с ней всё будет кончено. Ида сморщилась и приоткрыла рот. Ледяная вода промочила ноги, держать в ней руки тоже оказалось непросто. После такого легко свалиться с лихорадкой.

— Умри же, давай… — отчаянно шепнула она. Ещё пинок — и пальцы невольно отпустили промокшее одеяние брата. Девочка упала в воду, почувствовала, как та обдала грудь и лицо, брызнула в раскрывшийся рот. На мгновение она будто очутилась в теле Густава, испугалась, вскрикнула и отползла. Глаза её широко распахнулись, наполнились слезами. Раньше времени… то ли от холода, то ли от ужаса, сковавшего тело, Ида не закончила то, что планировала. Густав, почувствовав свободу, тут же выскочил из воды. В горящие от недостатка кисло-

рода лёгкие ворвался спасительный обжигающий воздух. Мальчишка закашлялся и согнулся от боли. Мёртвое пространство наполнилось адскими хрипами. Грязные струйки стекали по слипшимся тёмным волосам. Ида захныкала, выползая на берег. Она не смогла. Не убила его. Десятилетний малец дрожал от холода и пережитого страха. Он выглядел как восставший мертвец на фоне мутной реки Лан и грязного неба, замершего над миром в состоянии апатии. Края старой куртки, из которой Густав вырос, разорвались уже в нескольких местах и теперь безжизненно свисали. Промокшие вещи ледяным грузом давили на тело.

Тыльной стороной ладони Ида утёрла струйку, выбежавшую из носа. Содрогаясь, она выползла на пляж, со страхом взирая на Густава и не зная, как теперь поступить. Разве она сможет вернуться домой? Брат ведь всё расскажет тётке. И что с ней тогда сделают? Об этом не хотелось думать, тем более представлять. Девочка съежилась. Пальцы на ногах до того занемели, что Ида активно пошевелила ими, пытаясь убедиться в их наличии. Подол изношенного чумазого платья прилип к голеням. Упираясь руками в камни, Ида отползла ещё дальше. Что-то мокрое и вязкое скользнуло между пальцев: не то тина, не то какая-то гадость. Девочка машинально отряхнула руку, вытерла её о худое пальтишко горчичного цвета.

Откашлявшись, но всё ещё не придя в себя от ужаса, Густав поднял голову. Теперь их взгляды встретились. Ида сидела неподалёку, в куче мусора, впрочем, одной большой кучей можно было назвать весь этот пляж и то место, где они жили. Разбросанные железки, грязные листы бумаги, покорёженные консервные банки, битое стекло, обёртки и тряпки — всё это наводнило пространство, словно апокалиптическое одеяло решило накрыть собой утратившую репродуктивную функцию землю. Старики ещё рыбачили на отдалённых участках, там, куда мусор не доплывал в большом количестве из-за камней. Дети часто бродили по берегу Лан, находили даже что-то полезное, применимое для жизни, но чаще всего смотрели на горизонт, туда, где пролегала старая железная дорога. Раз в месяц огромные паровые машины, зовущиеся поездами, проезжали мимо, останавливались и забирали то немногое, что можно было обменять в этом мёртвом месте. Взамен привозили небольшие запасы пищи, в основном консервы, но получить их могли не все, а только те, кому было, что предложить, кто лез из кожи вон, чтобы добыть ценность, позволившую протянуть ещё день, а то и месяц. Казалось бы… здесь, на краю мира, должно существовать абсолютное равенство: все одинаково бедны, больны и ненавистны друг другу. Но даже на самом дне люди умудрялись расслаиваться: кто-то был немного здоровее, сильнее, удачливей. А удачливость давала хорошее преимущество в жизни.

Густав схватился за грудь. Его лицо перекосило от боли, которую приносил каждый новый вдох, но больше от той, что причиняли мысли. Он не понимал, почему обычно заботливая и любящая сестра решила от него избавиться. Разве он сделал что-то не так? Выходить из воды мальчишка боялся, хотя окоченел и уже представил, как вскоре заболеет и умрёт. Впрочем, ждать было необязательно, Ида могла напасть и закончить начатое. Никаких свидетелей, лишь труп изувеченной земли, забросанный мусором, готовый стать неприглядной могилой. Но на лице девочки тоже читался испуг. Она смотрела на брата и дрожала, затем вдруг вскочила на ноги и побежала в сторону селения, что не было обозначено на карте, не имело точного названия, а местными звалось отшибом. «Куда она? Домой? А что же делать мне?» — подумал Густав, глядя на то, как стремительно удаляется сестра. Он рассудил, что тётка и сестра могли иметь сговор против него. Семья пухла от голода, а он всегда был слишком слаб, чтобы помогать. Суровые времена требуют жертв, вот от они и решили избавиться от лишнего рта. Ида могла работать, не жалела себя, пропадая в окрестностях отшиба в поисках чего-то полезного, тогда как он, Густав, с исключительно слабым организмом, был бесполезен, когда приходилось выживать.

«Что же делать? Домой нельзя. Какая же я глупая», — убегая, думала Ида. Слёзы катились по впалым щекам, а где-то за спиной на неё с отвращением, страхом и той ненавистью, что может возникнуть лишь в преданном ребёнке, смотрел Густав. Иде хотелось кричать. Подлая,

эгоистичная, она не заслуживала спасения, тянула к нему руки и чувствовала, как то ускользает. А где-то на задворках памяти над ней смеялся мужчина, подаривший надежду и толкнувший на худший из возможных грехов. Отчаяние затягивалось на шее петлёй, девочка чувствовала, что окончательно отрезала себя от мира, от жизни, которую так ненавидела, и в которой так хотела остаться. Она только что лишила себя последнего: доверия родного человека, единственного, кого Ида действительно любила.

Месяцем ранее…

Это снова случилось: поезд остановился на станции. Обнищалое пространство заполнилось людьми: богато одетыми, ухоженными, взрослыми господами и дамами в милых шляпках, ставших безумно популярными на севере страны. Несмотря на всю их прелесть, шляпки не скрашивали гримасы дам, морщивших бледные носики в приступах отвращения. Пот, дым от курительных трубок, пыль и смрад, тянущийся от давно немытых тел бедняков были настоящим насилием над их утончённым обонянием. Дамы держались мужей, как овцы держатся пастуха, внутренне ощущая близость волков, а многие и вовсе брезговали высаживаться в этом месте. Мужчины же, менее склонные проявлять чувства в отношении грязи, беседовали и курили, разминали затёкшие в поездке спины и ноги, но не сильно усердствовали в жалобах, не желая показаться слабыми рядом с утомлёнными жёнами и дочерями.

— Дама, дама, подайте! — Множество грязных, бедно одетых детей бегали вокруг прибывших пассажиров, протягивали худые руки в надежде, что им дадут еды. Некоторые дамы колебались, вопрошающе глядя на подруг и мужа, другие отворачивались, пытаясь показать, что спасение утопающих дело рук самих утопающих.

— Вон! Идите вон! — Одна из женщин отмахнулась, когда маленький мальчик ухватился за её платье, бесцеремонно замарав руками кружево. — Ах, ты, гадкий бесёнок! Да твоя никчёмная жизнь стоит меньше моего наряда! Это уму непостижимо! Роберт, ты только посмотри! Посмотри, что он наделал!

— Успокойся, Дафна, это просто платье. Вернёмся домой, закажешь новое.

Мужчины отличались благосклонностью, иногда даже посмеивались над паникующими женщинами и отправляли их обратно в поезд. Кто-то давал медяк, кто-то кусок хлеба.

Ида чувствовала ноющую боль в желудке. Она не ела ни сегодня, ни вчера. Запасов в доме тётки едва хватало на двоих, а она кормила четверых: себя, любимого сыночка и двух осиротевших племянников, на которых регулярно сетовала небесам. Ида знала, что тётка ненавидит их, не могла понять только одного: почему не выбрасывает на улицу? Ведь тогда и ей, и её отпрыску заживётся легче. Меньше ответственности, меньше голодных ртов. Может, в глубине души эта женщина соболезновала им? Или терзалась муками совести, если та ещё существовала? «Крыс ловите, оборванцы, не помрёте», — сухо говорила она, когда Ида или её брат просили еды. Всё, что им с Густавом удавалось найти, они обычно делили пополам, но младший брат часто болел, а потому Иде приходилось самой искать еду или шить вещи. Вокруг их маленького поселения-станции не было ничего. Раз в месяц поезда привозили живущим здесь людям провизию и предметы первой необходимости в обмен на ценности, которые те добывали. Выращивать что-то здесь оказалось на редкость сложно: если и удавалось, этого еле-еле хватало на гибельный сезон, когда коварный снег опускался саваном, точно пытался схоронить людей, убеждал, что жить здесь куда хуже, чем погрузиться в вечный сон. Тётка рассказывала, что много лет назад отшиб был другим, рядом функционировала алмазная шахта. Сюда стекались люди, даже проложили железную дорогу, чтобы перевозить груз. Однако всё начало хиреть, когда Ида не умела ни ходить, ни думать. Поговаривали, в шахте произошёл обвал, похоронивший кучу работников заживо. Многие мужчины погибли. Восстановить шахту не удалось, а тела несчастных так и остались гнить в земле, когда-то подарившей надежду на обо-

гащение. Что спровоцировало катастрофу, Ида не знала, но тётка и старшие женщины говорили: то ли грунтовые воды, то ли взрыв. Иногда девочка слышала разговоры о газах, способных легко воспламениться, если не соблюсти осторожности. Но она плохо представляла, как это работает, потому как не имела возможности увидеть или лично испытать. Зато Ида воображала то машины, то чудовищ, то что-то совсем несуразное, выходящее за пределы её детской фантазии. Она предполагала, что неупокоенные души погибших могли отравить землю. На отшибе и деревья-то толком не росли, тётка часто приговаривала: «Проклятая земля, паршивый климат». Во время функционирования шахты многие отходы сбрасывались в реку, так что она приобрела ужасный запах и цвет. Те, кто мог, давно уехали. На отшибе остались лишь те, кому было некуда бежать… да и не на что. Население редело. В последнюю зиму целых шесть ровесников Иды унёс грипп. Живность в Лан изводилась. Пожилые рыбаки всё реже возвращались с уловом, и всё чаще говорили, что это место ничего не ждёт. Единственное, что было доступно всем жителям в неограниченных количествах — отчаяние. Казалось, с ним здесь уже рождались.

Ида осторожно брела по краю платформы. Её глаз уже наметил цель: тройку мирно беседующих мужчин на другом конце вагона. Девочка остановилась и подняла голову. Живая машина пугала, хотя приезжие спокойно заходили и выходили из неё. Неужели это собрали люди? Как возможно скрепить столько деталей, ещё и привести их в движение? Длинная вереница железа, умеющего дышать — девочке поезда представлялись вещами из мира, в котором ей никогда не оказаться. Ида не видела ничего дальше их грязного отшиба. Иногда она задумалась о месте, откуда берутся господа в роскошных одеждах, и воображала, как было бы хорошо оказаться там, хотя бы взглянуть одним глазком. Наверное, никто из них не борется с холодом и болезнями, не знает, как скручивает желудок, если не есть два дня. Засмотревшись на кремовое платье одной из стоящих неподалёку дам, Ида шагнула и вдруг не почувствовала опоры. Нога соскользнула, и крошечная жизнь вмиг пронеслась перед глазами. Девочка едва не упала на рельсы, но кто-то вовремя ухватил её под руку и практически оттащил в сторону.

— Так, так… надо бы быть внимательнее, — проговорил господин в чёрном костюме и белоснежной рубашке с пышным жабо под горлом. Он поднёс ко рту руку, оставив в ней дымящуюся трубку и склонился, рассматривая маленькую замарашку. Мужчина был таким высоким, что Иде пришлось поднять голову, дабы встретиться с незнакомцем взглядом. Тот прищурился, будто оценивал её. Плюгавая девчонка. Темные волосы, регулярно пренебрегавшие расчёской, спутывались в колтуны. Серые глазёнки смотрели дико и опасливо. На вид лет тринадцати, бледная, со впалыми щеками и дурной кожей. Грязное платье с оборванными рукавами липло к тощему плоскому телу, на одной из поношенных туфель оторвался бант.

— П-простите, — неуверенно буркнула она, внутренне раздосадовавшись. Интересно, у этого господина могло быть что-то ценное? Мужчина вытащил трубку изо рта, выпустил облачко дыма и пригладил усы.

— Не за что извиняться. Оголодала, поди, вот и рассеянная.

Оголодала? Ида чувствовала себя ничтожно маленькой, такой высохшей, что почти не отличалась от теней. Она никогда не понимала склонность людей из большого мира к высказыванию очевидных истин, и всё-таки кивнула, надеясь угодить.

— Как тебя звать?

— Ида.

— Приятно познакомиться, Ида. Ты здесь живёшь?

Она вновь кивнула.

— Одна?

— С братом и тёткой.

— А где же они?

— В доме. Густав болеет, а тётка сказала не возвращаться без хлеба.

Мужчина нахмурился. Он опустил руку в карман пиджака, затем достал оттуда монету и показал её девочке. Та округлила глаза. Настоящее золото. На отшибе редко видели такие ценные деньги, уж тем более они никогда не оказывались у неё в руках. Заворожённая, Ида потянулась за блестящим металлом, как вдруг господин отдёрнул ладонь. На лице девочки отразилось разочарование. Ну конечно! Он просто решил подразнить, показать своё превосходство! Мерзкий, как и все богатеи! Врезать бы ему под дых, забрать всё, что есть, и дать дёру. Пусть потом ищут… Однако в желудке протяжно ныло, и девочка чувствовала усталость, какую не разряжали ни злость, ни обида. В этой драке ей было не выстоять, и потому, гневно сдвинув брови, Ида опустила худые руки и попятилась.

— П-простите.

— Ты хочешь заполучить эту монету?

Ида задумалась, есть ли подвох, но быстро кивнула, ведь на золотую монету можно купить столько еды! Даже если господину что-то нужно, она сделает это, только бы не голодать, только бы протянуть подольше…

— Что ты готова отдать взамен?

Девочка повертела головой, как будто ответ мог возникнуть поблизости. Если господин не желал чего-то конкретного, то что может предложить она? Ида пожала плечами.

— У меня ничего нет.

— Правда? — Мужчина затянулся и выпустил ещё одно белое облако. — У тебя есть имя?

— Угу.

— Место, где ты спишь? Родные?

Ида удивилась, но подтвердила его правоту.

— Никогда не говори, что у тебя ничего нет. Даже после смерти ты займёшь положенный тебе метр земли, и, если повезёт, у тебя его не отнимут.

— Вам нужны мои койка и тётка?

Мужчина снисходительно улыбнулся и протянул девочке монету. Та засомневалась, но потом выхватила её и крепко сжала в кулаке.

— Это жизненный урок. Научись ценить то, что имеешь, иначе не узнаешь цену ничему. Потрать монету с толком. Нужные люди продадут тебе еды.

Девочка кивнула и уже собиралась уйти, однако, господин опять обратился к ней:

— Ида, тебя не учили благодарности?

— Спасибо, — ответила она, устыдившись. Отвернулась, чтобы сбежать от внимания, но кольнувшее любопытство заставило помедлить. — Господин, — обратилась она к мужчине, что курил трубку, — а тот мир, откуда вы приезжаете, другой? Он не похож на это место?

Незнакомец задумался.

— Мир? Как по мне, мир всюду одинаков. Впрочем, где-то условия лучше.

— И как там? Много больших машин, красивых людей? У всех есть золото и хлеб?

Мужчина коснулся усов, сверля любопытную девочку взглядом.

— Да, пожалуй. Хлеба предостаточно. Там есть усадьбы и дворцы, театры, сады, одинаково красивые во все времена года. Многое из того, чего нет здесь, что местным даже не снилось. Хочешь… увидеть всё это?

— Разве это возможно? — удивилась Ида, не понимая значений большей части сказанных мужчиной слов.

— Возможно.

— Как? Вы заберёте меня с собой на железной штуке… поезде? — в глазах девочки вспыхнули надежда и азарт.

— Заберу, если ты сумеешь выполнить условие.

— Сумею! — Излишне уверенно заявила она, только секунду спустя поняв, что не знает, о чём речь. — А какое?

— Потерять себя.

Ида задумалась: на детском лице мелькнуло непонимание. Разве можно себя потерять? Что же хочет этот господин? Чтобы она забыла, где находится? Или как её зовут? Уже менее пылко Ида решила уточнить.

— Как это — потерять?

— Знаешь, не бывает так, чтобы все двери в мире были открыты: для их удержания не хватит рук. Но где-то, определённо, есть та самая, в которой тебя ждут. И чтобы её найти, нужно закрыть другую, отпустить то, что держит, связывает, что извивается червяком сомнения в твоей душе. Чтобы обрести новую жизнь, необходимо отказаться от старой: привязанностей, страхов, правил, абсолютно всего, что заставит тебя сомневаться. Нельзя вырастить сад на погибшей земле, но можно на плодородной, очищенной от любого мусора. Не все понимают это, но, если решишь, что игра стоит свеч, используй шанс. Готова ли ты к такому?

Девочка задумалась над словами господина. Суть улавливалась слабо, но так хотелось поверить в сказку: большая паровая машина увезёт её в прекрасный мир без болезней и бед. И это случится ни с кем-то, а с ней! Желудок кольнуло, нижняя губа предательски дёрнулась, выдавая сомнение.

— Если соглашусь, больше не буду голодать?

— Не будешь.

— Тогда согласна.

Мужчина затянулся. Ида наблюдала за тем, как белое облачко растворяется в грязном станционном воздухе.

— У тебя есть месяц. Потом я вернусь и, если выполнишь условие, действительно будешь готова к столь резким переменам, увезу тебя с собой. Обдумай всё хорошенько.

— Но как я выполню это условие? Я ведь не знаю, что нужно делать.

— О, тут всё довольно просто и сложно одновременно. Иногда необходимо отрезать палец, чтобы сохранить руку, но ты внутренне протестуешь, ведь это твой палец, и ты им дорожишь. Ты сосредотачиваешься на мелочи, упуская из виду нечто глобальное, что в итоге может привести к гибели. Скажу попроще… Избавься от того, что ты любишь, что хоть как-то радует тебя или согревает мрачными ночами, что вызывает воспоминания и ради чего ты могла бы остаться. Это делается за тем, чтобы дать тебе возможность вырваться из колеса, чтобы ты не оказалась привязана к нему, потому что тогда тебя раздавит.

Послышался гудок. Мужчины и женщины стали заходить в вагоны, постепенно покидая перрон. Голодные дети бежали за ними, хватая за ноги в надежде выпросить какую-нибудь крошку. Господин в костюме обернулся.

— Ну всё, пора.

— Стойте! — окликнула его Ида. — Откуда мне знать, что вы вернётесь?

— Верь, — отозвался незнакомец и зашагал к общей толпе. Ида осталась на месте, сжимая в руке золотую монету. Тётка обомлеет, когда увидит, сразу же заберёт и использует на свои нужды, возможно, им с Густавом вообще ничего не достанется. Ида не могла этого допустить. «Лучше я её спрячу и возьму с собой, когда поеду в другой мир», — решила она. Пробежалась глазами по расходившимся детям и тихонько последовала за малюткой, которой удалось урвать целых две лепёшки.

Еду, что привозили в поездах, обычно продавали за медные таны. Ида понимала, что на её золотую монету можно купить целый вагон еды, но не хотела тратить её теперь, когда на горизонте мелькнуло светлое будущее. Она проследовала за малышкой до узкого проулка, где царил смрад, а под ногами валялись жестяные банки. В таких местах опасно бродить в одиночестве, но некоторые забывали об этом. Догнав жертву, старавшуюся скрыться от озлобленных

голодных взглядов, Ида схватила девочку за плечо и плотно прижала к поцарапанной стене ближайшего строения. Та вскрикнула в испуге съёжилась. Воспользовавшись её замешательством, Ида вырвала лепешки из рук, толкнула несчастную и бросилась бежать. «Даже ножом угрожать не пришлось», — подумала она, услышав за спиной плач и просьбу вернуть украденное. Ида начала петлять между домами, чтобы за ней никто не увязался, и в скором времени добралась до своего. «Вот уж тётка будет счастлива». Сжимая в руках лепёшки, девочка едва удержалась от того, чтобы не съесть всё самой. «Потерпи. Скоро окажешься в мире лучшем и будешь есть их каждый день, может. Даже целиком».

Весь месяц Ида грезила о поезде, который умчит её в другой край. Девочка думала над условием господина и пришла к выводу, что любит она очень немногое. Сначала она лишила себя удовольствия играть с мальчишками в камешки. Густав не понял этой внезапной перемены в сестре, а она лишь сказала, что выросла. Затем она перестала общаться с соседкой, всячески избегала её или притворялась больной. Не хамила тётке — и это давалось с большим трудом. Не выходила вечерами во двор, не слушала байки старого рыбака, который прожил на отшибе всю жизнь. Иде всё чаще становилось тоскливо, но она чувствовала, что условие включает в себя нечто большее, и она должна не просто игнорировать остальных, ведь от того, что ты не смотришь на человека, он никуда не девается.

Гуляя как-то вечером по ветхому мостику над Лан, Ида прижимала к груди своё единственное воспоминание о матери: куклу, довольно жуткую на вид. У неё недоставало одного глаза и части волос, похожих на старый веник. Платье было ещё более потрёпанным и грязным, чем у Иды. Девочка внимательно рассматривала игрушку, подаренную ей давно умершей дорогой женщиной. Она не думала, что изначально кукла выглядела лучше, но всё-таки у неё была целая одна игрушка, тогда как у многих детей не было ничего.

Девочка крепко прижала куклу к себе, посмотрев на мутную воду реки. От неё исходил кисловатый запах. Настоящая бездна, мёртвый источник, насмехающийся над теми, кто от него зависит. Ида простояла на мосту около часа, прежде чем решилась бросить игрушку в Лан, а сделав это, села и тихо заплакала. Примерно в тот момент она отчётливо ощутила, что опустошена, как разбитая скорлупа, и всё же условие терзало её. Девочка не знала, что именно упустила, пока однажды Густав вновь не заболел. Тогда Ида и поняла, что привязанность и любовь к брату могут всё погубить. Тогда в её голову впервые закралась мысль об убийстве.

Глава 2
Тайное общество

Йозеф подошёл к письменному столу, выполненному мастером на заказ ещё полвека назад. Красное дерево стало практически шедевром в руках умельца: вылилось в небольшую композицию с вихрастым узором и тонкими резными ножками. Стоило присмотреться, чтобы заметить крошечные фигурки, изображающие птиц в полёте. Самый старый предмет в комнатушке — стол казался почти неуместным, будто выдранным из другой эпохи. Мужчина развернул на нём широкую карту. В воздух взвился слой давно залежавшейся пыли. Перед взором собравшихся возникли очертания империи: города, дороги, реки, железные пути. Леннарт опустился на диван, обитый кожей (послышался скрип), и закинул ногу на ногу, так, что на выглаженных чёрных брюках образовались складки. Сгустившийся мрак, обосновавшийся в пространстве с заколоченными окнами, разрядился и неохотно отступил от трёх керосиновых ламп. Затхлый запах старины, казалось, въелся в стены и теперь не выветривался. Разбросанные повсюду вещи создавали эффект запустения. Полусгнивший огрызок яблока, распластавшийся на кладбище из мух в треснувшем блюдце, лежал на подоконнике уже не один год. Люстру и оконные рамы опутывала паутина. Под столом валялись крошки хлеба. Даже в холодном камине были свалены книги и документы, рассохшиеся от времени, со смазанными буквами, уже не представляющими интереса.

— Итак, господа, начнём. — Поправив монокль, Йозеф низко склонился над картой. И без того сутулая спина стала больше походить на горб. Цилиндр мужчина оставил на входе, и теперь тёмные прилизанные волосы с педантично сделанным пробором поблескивали на макушке. Леннарт закурил трубку, портя и без того спёртый воздух комнаты. Высокий мужчина с вытянутой формой лица, бакенбардами и соколиным носом. Он смотрел на присутствующих спокойно и снисходительно. Не был до конца уверен, доверяет ли всем в этой комнате, а его добрый товарищ, казалось, напротив, не беспокоился по этому поводу. Мысли Йозефа занимали идеи.

— Мы сейчас здесь, — Лисбет, беженка из Юмы, поставила тощий палец на точку с подписью «Рагон». Малый город в южной части империи, находящийся недалеко от неофициальной столицы. — Планируете переместиться в Танир, а затем на север?

— Не проще ли двинуться к Юме? За ней и Трэлт. — Пожилой мужчина, опирающийся на трость, но то ли из гордости, то ли из нежелания признавать минусы старости, не садящийся, кашлянул и прищурился. Обозначения на карте расплывались, так что он сунул тощую руку в карман и извлёк лупу. — Если две колонии встанут на нашу сторону, мы найдём ресурсы, чтобы противостоять императору.

— А если не встанут? Разве не проще действовать от центра? — усомнилась Лисбет. Леннарт выпустил изо рта облачко дыма. Пока взгляды присутствующих были прикованы к карте, он рассматривал единственную девушку, случайным образом затесавшуюся в их круг. Больше тощая, чем стройная, она как будто недоедала. Носила скромное синее платье, подчеркивающее, однако, талию. Светлые локоны закалывала на современный манер: могла сойти за одну из благородных институток, гордящихся никому ненужной учёностью в просвещённой столице.

— Встанут. — Старик приблизил к карте сначала лупу, затем лицо.

— Мистер Андерс хочет сказать, что на выгодных условиях колонии поднимутся. Они будут поддерживать нас, если…

— …если им даруют независимость, — закончил Леннарт. Йозеф согласно кивнул. Лисбет бросила взгляд на сидящего мужчину и заметила — он тоже смотрит на неё. Неловкость скользнула в тесном пространстве. Девушка чуть наклонилась, сместив опору на одну ногу.

— А мы на это пойдём? Дадим свободу, о которой они так мечтают?

— Дадим, — отозвался Андерс. — В этом и смысл наших действий. Народ давно требует провозгласить республику, как это сделали в Теларе и Генцидире. Если бы император не боялся потерять абсолютную власть, всё решилось бы мирным путём. Но он не станет слушать. Всё-таки империя — лакомый кусок. Десятки рук тянутся к стулу, способному поставить человека в один ряд с богом. Но никто не думает, что равнодушная к людям власть хуже болезни. В конечном итоге от неё попытаются избавиться.

— Мой старый товарищ служил в министерстве внутренних дел, — подал голос Леннарт. — Там предлагали ряд реформ: в том числе ставился вопрос о снижении работоспособности населения. Крестьян совсем лишили свобод: слышали, что многие бегут на восток? Их принимают к Братьям правосудия. Всё-таки лучше служить, чем гробиться на поле за кусок хлеба.

— Я слышал, император принял закон «О беглых невольниках». Тех, кого ловят, казнят или отправляют в шахты. — Андерс отстранился от карты.

— Вся деятельность императора сейчас направлена на индустриализацию. Он собирается шагнуть в новую эпоху, но со старой системой этому не бывать. Любопытно наблюдать за строительством пароходов, когда большая часть населения не способна писать и читать.

— Образование — меньшая из проблем.

— Я так не думаю.

— И что дальше? — поинтересовалась Лисбет. — Ваш товарищ попытался решить вопрос?

— Думаете, один человек на это способен? Его сослали в Рокост.

— А нас ждёт участь похуже, если информация просочится за пределы этой комнаты. — Андерс пробежался по присутствующим предупредительным взглядом. Лисбет нервно сглотнула.

— Мистер Андерс прав, — заговорил Йозеф. — Проще всего поднять волнения в колониях. Есть шанс получить поддержку не только крестьян и рабочих, но и разорённой интеллигенции. Через неделю Вальтер вернётся из поездки. Будем действовать в зависимости от новостей, а до тех пор лучше не привлекать лишнего внимания.

— Не беспокойтесь, Йозеф. Мы не глупцы.

— Я пошлю весточку доверенному человеку в Юме. Он обеспечит нам крышу и безопасность на время переговоров. Вот эта дорога, — Йозеф провёл пальцем по карте, — оптимальна для нас.

— Она старая, — заметила Лисбет. — Поезда там почти не ходят. Я думала, маршрут собираются закрыть.

— Да, собираются, но пока этого не сделали. Она почти не охраняема, поэтому есть шанс не привлекать ненужных взглядов.

— Путешествуя в прилежащую колонию ненадёжным рейсом?

— Эту идею выдвигал Вальтер, — Йозеф выпер вспотевший лоб. — Ему видней, он всё-таки ездит туда.

— А ты с ним во всём соглашаешься…

— Разве есть причины этого не делать?

— Не знаю. Где он? Куда опять уехал? Нам так редко удаётся собраться, и Вальтер практически всегда отсутствует. Чем он занят? — Лисбет плотно сжала губы. Болью отозвалось правое колено.

— Прощупывает почву, у него немало забот.

Девушка хмыкнула.

— Присядьте, Лисбет. — Напряжённая поза не скрылась от зоркого глаза Леннарта. Лисбет горделиво приподняла голову, словно не хотела выдать себя.

— Я в порядке.

— А вот я, пожалуй, сяду. — Убрав лупу в карман, Андерс обернулся, взглянув на диван, где сидел Леннарт, и, фальшиво прокряхтев, опустился рядом. Йозеф взял карту за край, стряхнул с неё пыль и стал сворачивать.

— Советую решить все дела, что у вас здесь остались. Вскоре будет не до этого.

— Подготовка займёт не один месяц, — заметила Лисбет.

— Не один месяц мы уже потратили. Стоит кому-нибудь нашептать императору, что на юге неспокойно — сюда явится гвардия. Не доверяйте третьим лицам. Поверьте, нас с радостью продадут за земельный надел. — Йозеф свернул карту и запихал её в общую кучу хлама.

— Мы вас поняли. — Лисбет кивнула. — Если это всё, то прошу извинить, у меня дела. Я намереваюсь отбыть в Дерт. Граф Йон Вергский устраивает приём в субботу, говорят, его двоюродный брат получил повышение.

— Голубушка, вы поедете одна? — осведомился Леннарт. — Это небезопасно.

— Глупости, я еду в сопровождении дяди. Вам ли за меня беспокоиться?

— А почему нет?

Лисбет сделал вид, что не заметила недвусмысленный взгляд.

— Вы ведь вернётесь через неделю? — Йозеф поправил монокль и промокший от пота воротник, затем с отчаянием посмотрел на заколоченные окна.

— Вернусь. Не могу же я пропустить встречу с Вальтером. Всего хорошего, господа.

— Позвольте, провожу вас, — спохватился Йозеф, вспомнив, что это имение его покойного деда. Лисбет согласно кивнула, и они покинули комнату. Леннарт заметил, что девушка начала прихрамывать. Он вздохнул и запрокинул голову, уставившись в мрачный потолок. Андерс сидел молча, не выпуская из руки трость, будто та была священным талисманом.

Держась за перила, Лисбет осторожно спустилась по ступеням.

— Позвольте помочь? — Йозеф протянул руку.

— Не стоит, я сама.

— Как вы себя чувствуете, Лисбет?

— Прекрасно. Как я могу себя чувствовать? — Они спустились по обшарпанной деревянной лестнице, истошно скрипевшей каждый раз, когда на неё наступали, свернули в коридор и в скором времени вышли к входной двери. В глаза сразу бросились ветхий засов и готовая вот-вот отвалиться ручка. Лисбет жаждала выйти на улицу. Ей не нравилось мрачное имение, где даже картины исказились от завешавшей их паутины, и напоминали прозрачные мёртвые вещи. Голова кружилась. Лисбет машинально подняла руку и опёрлась о стену. Шершавая поверхность оставила на пальцах следы липкой пыли. Йозеф открыл перед девушкой дверь.

— Вам нехорошо?

— Я в порядке, не беспокойтесь.

Мужчина нахмурился, не очень поверив её словам, но решил не настаивать. Излишнее внимание Лисбет часто раздражало.

— Счастливого пути. Будьте осторожны.

— И вы тоже. — Девушка кивнула в знак прощания и сразу же скользнула за порог. Как только она спустилась с крыльца, Йозеф закрыл дверь. Лисбет остановилась, держась за перила, и позволила боли выступить на лице. Правое колено ныло. Девушка закрыла глаза и попыталась успокоиться. В последнее время ничего не спасало. «Нужно отсюда уходить, пока никто не заметил», — решила она и направилась к узкому проулку.

Глава 3
Расплата

Эту ночь Ида провела на перроне. Приткнулась у мусорных баков, чтобы казаться менее заметной, и, кутаясь в пальтишко, уснула там, среди пустых жестяных банок и перегнивающей гадости. Ей ничего не снилось, а из дрёмы выдернул пронзительный гудок и шум приближающегося поезда. Девочка тут же подскочила. Ноги оставались ещё влажными и холодными, губы дрожали, тело не хотело слушаться, но тлеющая в душе надежда не позволяла сдаться. Ида внимательно посмотрела на железную дорогу. Сегодня всё решится. Или она сбежит отсюда, или погибнет.

Огромная паровая машина приближалась. «Вот и месяц прошёл», — подумала Ида. Как и в тот раз, она хотела есть, но больше всего — покинуть это место прежде, чем тётка кинется на поиски. До того, как уйти с Густавом к реке, девочка сунула в карман золотую монету, бережно спрятанную от посторонних глаз. Она знала, что больше не вернётся. Надеялась на это. Покидать тёткино жилище оказалось нетрудно — кто будет переживать о матрасах, полных клопов, когда жизнь сулит перемены? Но в последний момент подумалось, что этого мало. Стоило тётке отвлечься, Ида стянула её неказистый браслет. Облезлая железка, не представляющая ценности, была скорее символом личной победы. Напоследок хотелось навредить, довести начатое до конца. Ида собиралась сделать так, чтобы Густав тоже не вернулся. Ему не предлагали новый мир, но и в старом бы он не выжил. Не вынося собственного эгоизма, девочка облачила его в благие намерения. Тётка, конечно же, заморит брата голодом. Забьёт его или не станет лечить в холода. Густаву суждено умереть, так что Ида убедила себя — её долг закончить всё быстрее. Мысли о брате будут терзать её в новом мире, господин верно сказал. Следует избавиться от всего, чтобы не переживать. А тётка? Чёрт с ней, пусть загнётся. Иде хотелось отнять у этой женщины больше, но отнимать оказалось нечего.

Она опустила руку в карман, проверяя, всё ли на месте. Пальцы нащупали круглую монету и холодную железку. Прибывший на станцию поезд затормозил. Дети-оборванцы кинулись к вагонам, протягивая руки и, прося милости у дам и господ. Ида двинулась вдоль перрона, внимательно вглядываясь в каждое лицо, пытаясь найти загадочного господина. Во всех мужчинах прослеживались общие черты. Образованные люди отметили бы, что мода делает их похожими, но Ида не знала об этом понятии. Она приглядывалась к усам, носам и трубкам, однако мужчины оказывались не те, ненужные. В толпе мелькали цилиндры, шляпки, цветные юбки и полуголые детские ноги. Приезжих окружали тонкие сладковатые ароматы. От некоторых пахло едой или кожаной обивкой. Местные дети же воняли, словно отходы — и это буйство дико контрастировало.

Чем дальше уходила Ида, тем сильнее начинало стучать сердце. Вскоре она увидела последний пассажирский вагон, а за ним ещё несколько грузовых, но нужного лица так и не нашла. «Он не приехал, — мелькнула жуткая мысль в голове, — всё потому, что я не смогла убить Густава. Он знает, что брат выжил. И срок мой закончился. Я не выполнила условие. Что же теперь будет?» Она остановилась. Внезапная тяжесть опутала на тело. Сознание нырнуло во тьму, и подкравшееся чувство безысходности окатило ледяном порывом. Ида наблюдала за тем, как высокие мужчины переговариваются, курят, делятся чем-то с попрошайками. Захотелось кричать, плакать, повернуть время вспять. Девочка пошла в обратную сторону, мысленно успокаивая себя и тщательнее перебирая лица взглядом. Надежда ещё теплилась. Ида сжимала кулачки и просила о милости, которой не была достойна.

— Вон она! Это она! — Ида замерла и обернулась на возглас. В двадцати метрах от неё стояла крохотная девчонка, до ужаса знакомая на вид. Она тыкала в Иду указательным пальцем

и что-то кричала двум рослым мальчишкам лет четырнадцати на вид. Ида сощурила глаза, пытаясь вспомнить, где она видела эту мелкую. Станция была маленькой, и всё же…

Внезапно Иду осенило. Ровно месяц назад она ограбила эту хилую девчонку, забрала у неё лепёшки и сохранила золотую монету. Теперь к ней приближались двое, чтобы учинить расправу. «Пожаловалась, гадкая». Ида сорвалась с места и побежала, что есть мочи. На отшибе законы морали отсутствовали. Она знала: если поймают, то непременно поколотят, а хуже того — заберут золото, выдадут тётке или убьют. Мальчишки побежали за ней.

Толкая детей, что попадались на пути, стройных дам и их кавалеров, девочка неслась, петляя из стороны в сторону. Сердце бешено колотилось. Поношенные туфли периодически слетали с пят. Она не оглядывалась, но знала, что просто так преследователи не отстанут. В левом кармане болтался ножик, с которым Ида не расставалась. «Неужели придётся воспользоваться им?» Не видя, куда бежит, Ида вдруг почувствовала мощный толчок. Послышался вскрик. Белокурая девушка испуганно округлила глаза, прежде чем упасть. Лавандовая юбка её нелепо задралась, а шляпка слетела с головы. Стоящая рядом женщина всплеснула руками. Девочка выругалась, минуя преграду, и продолжила удирать. Преследователи не отставали, а один из них громко свистнул, извещая о том, что Иде лучше сдаться. Девочка не знала, что делать.

Мелькнула мысль спрыгнуть на рельсы. Но что, если машина оживёт? Кто-то послал в адрес бегущих детей проклятья. «Можно запрыгнуть в вагон», — это было безумием, но не думая о последствиях, Ида рискнула воплотить задуманное в жизнь. Разве может стать хуже? Пробиваясь сквозь толпу пассажиров, лапая грязными руками дорогие костюмы и платья, девочка уже дотянулась до первой ступеньки, как вдруг сильная рука схватила её за шиворот и откинула назад. Устоять на ногах Иде не удалось, и она растянулась пластом, почти как дама, столкнувшаяся с ней ранее. Ушибленный копчик пронзила боль. Девочка поморщилась.

— Куда собралась? — В низком мужском голосе слышалась неприязнь. — Оборванцев с собой не берём. Пошла отсюда, а не то пристрелю.

Ида отползла назад.

— Извините. — Послышался запыхавшийся голос рядом. Девочка вскинула голову. В этот момент двое мальчишек схватили её под руки и рывком заставили подняться. — Наша сестра дурная. Мы уходим. — И они потащили её прочь от глазеющей толпы. Иде хотелось брыкаться и кричать, что всё это ложь и никакая она им не сестра, но девочка осознавала — все эти богато одетые состоятельные люди не шевельнут и пальцем, чтобы помочь. Во рту появился привкус горечи. Ида решила принять свою участь. Вдруг в толпе мелькнул знакомый профиль. Девочка округлила глаза, в которых загорелась надежда, и открыла рот, однако не издала ни звука. Она даже не спросила имени господина в тот день, не знала, как обратиться к нему, как позвать на помощь. А он и не видел, как Иду уводят всё дальше от перрона. Она отчаянно задёргала руками.

— Пустите меня! Пустите!

— Заткнись, если хочешь жить, — обратился к ней один из мальчишек, а другой пихнул в бок локтем.

— Господин! — закричала Ида высокому мужчине с трубкой, тому самому, что месяц назад завёл с ней разговор. — Я здесь! Помогите! Пожалуйста… — Последнее слово замерло у девочки на устах. Грубый кулак врезался в живот. Перехватило дыхание. Толчок — и Ида растянулась на земле. Мальчишки тут же принялись её пинать. Девочка свернулась калачиком, закрыв руками голову. Она вскрикнула несколько раз. На глаза выступили слёзы. Тело сковал страх. Удар, удар, удар. Живот, спина, ноги. Боль расползалась по всем участкам тела. Наконец выместив злость, мальчишки перевернули Иду на спину и стали обыскивать. Заливаясь слезами, девочка смотрела на людей, стоящих у вагонов, на детей, что проходили мимо и делали вид, будто не замечают издевательства. Никто не помогал.

— Ничего себе! — В руках взъерошенного светловолосого мальчишки мелькнула монета. У его товарища отвисла челюсть.

— Да ладно…

— Золото, зуб даю…

— Врёшь. — Мальчишка потянул руку к монете, но светловолосый отвёл её в сторону.

— Это не твоё! Отдай! — Ида подалась вперёд, но тут же получила кулаком по носу. Пронзительная боль ослепила. Потекла кровь. Девочка прикрыла лицо ладонью, испугавшись, что ударят снова. Но мальчишкам уже было не до неё.

— Да мы же богаты… — Светловолосый расплылся в улыбке. — Кто бы мог подумать, что у этой свиньи такие деньги? Ты хорошо её осмотрел? А то, может, ещё упрятала?

— При ней ножик только. Не ценность.

— Пойдём к Нане. Это стоило тех лепёшек.

Его напарник кивнул, и мальчишки поспешили удалиться. Ида скорчилась, прижавшись лбом земле. Мгновенная кара? Да, всё верно. За любую оплошность приходится платить. Она приподняла голову. Кровь стекала по сухим искусанным губам и подбородку. Обзор затуманился от слёз. Боль, досада, злость буйствовали внутри, терзая изувеченное тело. Почему бы всем просто не сдохнуть? Ида хотела подняться, выхватить нож и всадить мальчишкам в глотки. Почему нет? Они и сообразить не успеют, как свалятся. И тогда девочка отрежет им пальцы и языки. Да, она посмеётся над ними. Раз всем плевать на её страдания, то с другими будет также. Они заслуживают! Все заслуживают мук! Обидчики стремительно удалялись. Ида плакала, стиснув зубы. Медный привкус вызывал тошноту. Физическая боль не глушила моральную. Хотелось отомстить или умереть, но что-то мешало подняться. Страх, отчаяние, ненависть к себе?

Вдруг поблизости раздались шаги. «Вернулись, — подумала Ида, — забыли забрать браслет тётки, как же». Она сжала свободный кулак, готовясь выхватить нож и вонзить его в чужую плоть.

— Ида? — Услышав знакомый мужской голос, девочка вздрогнула и наскоро потёрла заплаканные глаза. Господин в тёмном костюме недовольно цокнул языком. — Какое зверство. Кто сотворил это?

Ида не ответила. Внезапно посетило чувство, что именно мужчина виноват во всех бедах её жизни. Именно из-за него она лишила себя всего, даже брата и дома. Из-за его золота пришлось вытерпеть унизительное избиение. Господин сунул руку в карман, извлек оттуда беленький платок и протянул его девочке.

— Вот, зажми нос.

Ида не двинулась, боясь навлечь на себя дополнительные неприятности. Мужчину это удивило. Он присел на корточки и сунул платок ей в руку. На этот раз Ида не стала противиться и зажала им окровавленный нос.

— Вот и славно. Можешь подняться?

Ида засомневалась, но приложила усилия и всё-таки села. Избитая, оголодавшая, грязная, она производила воистину отвратительное впечатление. В глазах, утративших надежду и любопытство, тлела затаённая ярость.

— Смотрю, скучать тебе не приходится, — заметил господин. Прижимая платок к носу, что быстро испачкался в крови, Ида уловила приятный незнакомый запах. — Что скажешь? Всё ещё хочешь попасть в лучший мир? Выполнила ли ты условие, о котором я говорил?

«Проверяет меня или действительно не знает, что Густав жив? — Ида задумалась над ответом, взвешивая все варианты. — Если скажу, что не выполнила, он просто уйдёт? Что тогда будет со мной? Я умру, как и многие, в канаве или на свалке. А если… скажу, что выполнила? Поверит ли он? Или назовёт лгуньей?»

— Да, — пробубнила она, прервав затянувшуюся паузу. Взгляд господина стал более пристальным.

— Что да?

— Я выполнила условие.

— Правда? — удивился тот. Он пригладил усы, оценивающе смотря на оборванку. — Даёшь мне честное слово?

— Да, — отозвалась Ида, зажимая нос.

— Тогда мне придётся сдержать обещание. Давай, поднимайся. — Господин встал на ноги, и девочка почувствовала себя мелкой букашкой. Она не верила своему везению. «Неужели получилось обмануть? Так просто? Он и правда увезёт меня на паровой машине?» Ида сидела, наблюдая за тем, как люди заходят в вагоны. Тело отказывалось двигаться, ослабло и болело.

— В чём дело? Ты передумала? — Господин извлёк из кармана круглый прибор, открыл его и посмотрел на движение стрелок.

— Нет, — процедила Ида. Не хотелось говорить о боли и унижаться ещё сильнее. Бросив на землю запачканный платок, она перевернулась сначала на бок, затем встала на колени, и, оттолкнувшись руками, попыталась подняться. Мужчина ухватил её за плечо, не позволяя упасть.

— Осторожнее. Так можно что-нибудь повредить.

Издевается? На ней и так живого места нет. Придерживая девочку, господин повёл её к вагону. Ида засомневалась, вспомнив отшвырнувшего её мужчину. Неужели пропустит?

— Простите, сэр…

— Всё в порядке, эта девочка со мной, вот билет.

Господин показал проверяющему бумажку, и тот не стал препятствовать. В другое время Иду задел бы недоверчивый, откровенно грубый взгляд, но, поднимаясь по железной лестнице, она не могла думать ни о чём постороннем. «Я поеду в лучший мир. Действительно… у меня получилось». Гудок пронзительно провозгласил о начале новой жизни.

Глава 4
Условие

Господин раскрыл старенький потрёпанный блокнот с пожелтевшими плотными листами, пробежался глазами по последним записям, сделанным около месяца назад, и перелистнул на чистую страницу. Любопытство будоражило. Он поднял голову. Избитая замарашка сидела напротив. Она отмыла лицо от крови и грязи, но до сих пор выглядела жалко, болезненно, изношено. Девчонка плотно сжимала худые коленки, при этом нелепо разворачивая пятки в разные стороны. Тонкие пальцы крепко, до белизны костяшек, вцепились в сидение. Глаза недоверчиво осматривали всё вокруг, в частности самого мужчину. Из соседних купе слышались приглушённые голоса, порой чуть громче доносился смех.

— Итак… — начал господин, выдерживая паузу. Во рту маячил привкус табака. — Как тебя зовут?

Девочка выгнула брови дугой, затем нахмурилась.

— Вы ведь знаете. Ида.

— Твоё полное имя.

— Но… — она запнулась в неуверенности. Внимательный взгляд заставлял всё внутри переворачиваться от страха и трепета. Девочка приоткрыла рот, обдумывая ответ. Вагон качнулся, и она сильнее вжалась в сиденье. Испуганный взгляд устремился в окно. Поезд медленно двинулся. На перроне всё ещё стояли дети-оборванцы. Сквозь тонкий слой пыли, осевшей с дороги, Ида наблюдала за ними. Кто-то махал руками, а кто-то уже жевал доставшийся кусок хлеба или уходил домой. Ида сглотнула горькую, словно полынь, слюну. Желудок, давно не получавший пищи, наградил девочку режущей болью. К горлу подступила тошнота. Она поморщилась, затем повернулась к господину. Он молчал, сжимая в руках бумажный предмет.

— В нашем обществе принято называться полным именем с фамилией. Сокращения и различные клички считаются дурным тоном.

— Фамилия? Что это?

Господин слегка приподнял бровь и вздохнул.

— Что-то вроде общего имени у всех членов семьи.

— У нас такого нет. Или я не знаю. Тётка звала меня свиньёй, но вообще-то я Ида…

Мужчина что-то записал.

— Сколько тебе лет?

— Тринадцать.

— Где твои родители?

— Их нет.

— Тогда как ты появилась на свет?

Ида сощурилась, обдумывая вопрос.

— Путём преступного сношения. Потом они умерли.

Мужчина приподнял бровь.

— Преступного сношения? Что это значит? Кто тебе такое сказал?

— Тётка говорила, что такой свинье, как я, нельзя было рождаться, и что родители совершили грех, когда сделали так, чтобы я появилась.

— Расскажи, что случилось с ними.

— Мама истекла кровью, когда рожала брата, а отца унёс тиф.

Рука господина механически шевелилась, и Ида заворожённо смотрела на то, как он вырисовывает какие-то чёрточки и загогулины.

— С кем вы жили?

— С тёткой.

— Чья-то сестра?

— Отца.

— Она вас не любила?

— Нет.

— А вы её?

— Тоже.

Мужчина кивнул.

— Тебе нравилась твоя жизнь?

— Нет. — Ида нахмурилась. Почему этот господин задаёт глупые вопросы? Как может нравиться отшиб и всё то, что приходится терпеть его жителям? Разве её желание сбежать не говорит само за себя?

— Что именно наталкивало на мысль от неё отказаться?

— Голод, побои, болезни.

— Ты часто болела?

— Не я, Густав.

— Вы близки с братом?

— Да. Были… — Ида осеклась, не зная, как правильней ответить, чтобы не выдать себя.

Мужчина выводил закрученные буквы, записывая каждый ответ девочки. Она внимательно наблюдала то за действиями его рук, то за взглядом. Странная ситуация. Но, может, для нового мира естественная?

— Плохая жизнь заставила тебя выполнить условие? Ты его выполнила?

— Да.

— Расскажи подробно. Что ты сделала?

Девочка плотно сжала губы, начала покачивать ногой. «Проверяет, не лгу ли я? Что же ответить?» Она не отвечала какое-то время. Мужчина терпеливо ждал. Наконец, решив, что молчание слишком подозрительно, Ида заговорила.

— Я перестала общаться с Элис.

— Кто это?

— Подруга. Мы жили рядом и часто виделись. Перестала играть с мальчишками, грубить тётке.

— А тебе нравилось грубить?

— Да. Она противная. Называла маму потаскухой, хотя та давно умерла, а меня крысой или грязной свиньёй. Часто говорила Густаву, что он подохнет так же, как и отец. Любила только своего сыночка, гадкого прыщавого труса. — Ида поморщилась.

— Ты желала ей смерти?

— Иногда.

— И всё-таки оставила с ней брата?

— Нет.

— Нет?

Ида на мгновение замешкалась, а затем выпалила:

— Я убила его.

Мужчина перестал писать. Вопросительный взгляд начал буравить девчонку, пытаясь уличить во лжи, но Ида затаилась, не выдала себя. Ответила с вызовом, пристально, широко распахнутыми глазами, кричащими: «Я не лгу».

— Действительно?

Ида кивнула. Тело её напряглось. «Почему он так смотрит? Знает, что я солгала? Откуда ему знать? Он видел, как Густав вышел из реки? Но это ведь… невозможно. Поезд прибыл только утром». Господин опустил голову и записал фразу.

— Расскажи подробнее. Что ты сделала? Что чувствовала?

Тон мужчины не изменился, и всё-таки Ида уловила отличие. Что-то исказилось в его манере делать запись. Хорошо скрываемая эмоция тщетно пыталась пробиться наружу.

— Я… сначала сомневалась, но потом поняла, что убийство необходимо. Меня мучило чувство незавершённости. Вы сказали избавиться от всего того, что люблю, а для меня не было никого дороже Густава. Я знала, что ему не выжить одному. Единственный способ со всем порвать — ему умереть, а мне уехать. Тётка бы всё равно убила его, так что лучше я сама. Я… не так жестоко. — В глазах девочки блеснули слёзы. На мгновение Иде почудилось, что она и правда свершила злодеяние. Хотя больно стало от другого — неизвестности. Густав жив, но надолго ли? — Брат доверял мне, никогда бы не догадался о намерении. Я отвела его к Лан. Предложила поиграть в камешки. Мы раньше часто этим занимались. Вынудила войти в воду, затем повалила и начала топить. — Девочка закусила губу, воскрешая в памяти минувший день. «Что с ним стало? Рассказал ли он всё тётке?»

— Что было дальше? — господин пригладил усы.

— Он сопротивлялся. Бил по рукам и ногам, но я его держала. — Ида приподняла руки, демонстрируя синяки и царапины на тощих запястьях. — В один момент он ослаб, но я сразу не отпустила. Выждала ещё время, чтобы наверняка, а затем оставила тело в реке и убежала. Даже если кто-то нашёл его, меня вряд ли заподозрили. Густав был мне дорог.

Воцарилось молчание. Господин обдумывал то, что услышал. По лицу было трудно определить: шокирован он, зол или доволен. Ида наблюдала, но не могла разгадать чужих мыслей. «Поверил или нет? А если нет? Если ему известна правда? Что он сделает со мной? Столкнёт с несущейся машины?» Мужчина открыл чистый лист.

— Что ты теперь чувствуешь?

— Боль. Нос ломит и спину. Страх. Я не знаю, чего ожидать. А ещё голод. Но это ведь скоро закончится, да? Вы говорили, что в другом мире мне не придётся голодать.

Господин сделал последнюю запись, затем захлопнул блокнот, облизнул нижнюю губу и кивнул.

— Это правда. Как минимум с последним я могу помочь. Голодать ты больше не будешь.

Глава 5
Приём

Граф Вергский слыл педантом. Он просыпался с мыслью, что грядущий день будет идеальным, и засыпал, думая то же про ночь. В его имении царила чистота. Прислуга вымывала каждый угол, а если граф обнаруживал грязь, виновнику редко удавалось избежать телесных наказаний. Повара на кухне знали своё дело: по утрам закупали только свежие продукты, из которых позже творили шедевры кулинарии, и с трепетом замирали, когда господин садился за стол, боясь его гневных ругательств. Граф любил целовать пальцы после трапезы в знак похвалы. Он широко улыбался, когда был доволен, и сурово поджимал губы, будучи в гневе. Рубашки и фраки менял ежедневно, потому их было немерено. В свете его имя тесно ассоциировалось со словом «помпезность». Граф устраивал пышные приёмы часто и со вкусом: приглашал оркестр, всю знакомую интеллигенцию, закупал лучшие вина, которые мог найти. Сам был ещё молод, свеж, недурен лицом. Никогда не носил бороды, считая это неопрятностью. Слыл видным женихом, славился щедростью и учтивостью, но при всех своих достоинствах оставался одинок. Дамы с ним любезничали, однако не оказывали особых знаков внимания, да и сам граф довольствовался положением всеми уважаемого холостяка. Изредка к нему закрадывалась мысль, что неплохо бы разделить с кем-то чувства, стремления, да и жизнь, но затем он просыпался и понимал, что в целом его всё устраивает.

— Живи мы лет двести назад, я бы назвал его шутом. — Седовласый мужчина с вытянутым грубоватым лицом отхлебнул шампанского из фужера и пробежался глазами по залу, где уже собрались гости: танцевали, смеялись, вели беседы. Кокетливо хихикали девушки, стреляя взглядами по кавалерам, шептались о чём-то, и как бы невзначай поправляли прядь, ленточку или рюшку. Мужчины обсуждали политику, замужние женщины — последние сплетни. Кто бы мог подумать, что та старая вдова — леди Борст — выйдет замуж в третий раз?

— Ну что вы, дядя, — возразила Лисбет, — он человек нравственных убеждений, просвещен, аккуратен, любезен.

— Игра на публику. — Мужчина поправил выпирающее жабо и махнул рукой около лица.

— Жарко.

— Может, выйдете в сад, подышите воздухом?

— Тебе всё не терпится избавиться от надоедливого старикашки.

— Вовсе нет. — Лисбет смущённо опустила взгляд. Пальцы играючи поддели голубую ленту на платье. — Я о вас беспокоюсь.

— Стоит мне отойти, и на лакомый кусочек слетятся коршуны, — процедил мужчина. — Ты только посмотри на них, вон, заговаривают зубы молоденьким пташкам. Хочешь быть на их месте? Так не терпится, чтобы твою юную голову наполнили ненужным хламом, и тогда ты, почувствовав себя окрылённой, бросишься в объятия тому, кто лучше льстит?

— Что вы, дядя? Зачем так выражаетесь? — Лисбет осмотрела зал. Она чувствовала себя неловко в присутствии единственного родственника, который никогда не скупился на острые замечания в чей-либо адрес. С дядей она прожила пару месяцев и всё ещё с ужасом вспоминала о судьбе родителей. Всё-таки ей повезло. Мало того, что уцелела, так ещё живёт в роскошном доме, продолжает пользоваться дарами жизни. Её тело не гниёт в одной из общих могил, она не сидит в тюрьме, не знает, каково это — ждать приговора. Думать, что каждый рассвет последний. Стоило благодарить судьбу за милость, но Лисбет только скалилась. Она не могла забыть, чего её лишили. Взгляд девушки остановился на графе Вергском. Он стоял в компании трёх мужчин, что-то возбуждённо рассказывал им, затем расхохотался. Они тоже посмеялись, оценив остроумную шутку. Лисбет не слышала разговора, но её распирало любопытство. Никто из

присутствующих не принимал в свой круг беженцев из колоний. К таким, как она, относились прохладно, старались по возможности не замечать, точно они были предателями или врагами народа, которых по доброте душевной помиловал император. Иногда Лисбет казалось, что это вечное клеймо, вызывающее недоверие. Однако она держалась независимо и гордо, пытаясь показать, что выше предрассудков и не претендует на чей-то интерес.

На мгновения их взгляды пересеклись. Граф заметил Лисбет, сказал что-то товарищам и направился к девушке. Мужчины не слишком опечалились и продолжили разговор. Лисбет почувствовала, как на щеках вспыхнул румянец.

— Ну вот… идёт, — с презрением заметил дядюшка, делая глоток шампанского. Высокий обладатель тёмных коротко стриженных волос, Йон Вергский приблизился к стоящей паре.

— Граф Горцкий, — он склонил голову в знак приветствия, — миледи. — Лисбет улыбнулась и протянула тоненькую руку в белой атласной перчатке. Мужчина поцеловал тыльную сторону её ладони, затем выпрямился.

— Чудесный вечер.

— Рад, что вам нравится.

— Года идут, а вы не меняетесь, — отстранённо заметил дядюшка. — Я умру, а вы всё так же будете пить вино и плясать.

— Не беспокойтесь, не на вашей могиле. — Йон улыбнулся. Граф Эрленд Горцкий ответил тем же, только его губы расползлись в кривую линию пренебрежения.

— А вы шутник…

— Кто много смеётся, тот дольше остается молодым.

— То-то смахиваете на студента. — Эрленд допил шампанское и оглянулся, ища, куда поставить пустой фужер.

— Не думаю, что это плохо. В конце концов, какое удовольствие быть старым?

— Вы спрашиваете, считая, что я могу ответить? Да, я стар… — Так и не найдя места для фужера, граф Горцкий сжал его в руке, — и я скажу, что старость на вкус как плесень на корке хлеба. Смотрю на вас, нынешнее просвещённое поколение, и понимаю, что империи конец. Вы же испорчены иностранной модой, новыми идеями, что впитали из пошлых книг, все вы — один большой изъян. Вы как инфекция… стремительно распространяетесь по всему организму, заставляя его содрогаться в конвульсиях, а убив, переползаете в другое место. Несёте свою «правду», только вот правда многолика. Вряд ли её вообще кто-то видел. Все вы думаете, что знаете больше прочих. Но я крепко убеждён в одном: кто решит, что понял этот мир — полный идиот. Я стар и брюзглив. Никому не нужно моё мнение. Ещё немного, и я сойду в могилу, унеся за собой последнее живое чувство — честь.

— Боюсь, что понимаю вас не до конца, — с улыбкой отозвался Йон, переведя взгляд на Лисбет, молчаливо стоящую рядом.

— Да где бы вам меня понять…

— Довольно, дядя, — оборвала его девушка, — вы ведёте себя неподобающе.

— Ещё бы ты делала мне замечания, — проворчал Эрленд. — Жди, жди, скоро улягусь в могилу, и тогда порадуешься, попрыгаешь вокруг знати, может, твоё бледное личико им приглянется.

— Не говорите глупостей.

— Это правда жизни.

— Лисбет, желаете потанцевать? — тут же сменил тему Йон. Девушка оживилась. Перспектива покинуть общество дядюшки, пусть и на время, рисовалась ей в лучшем свете.

— Конечно, — согласилась она, улыбнувшись, и протянула руку графу. Тот самодовольно взглянул на Эрленда, кивнув ему в знак уважения, и повёл девушку ближе к центру зала. Лисбет напряглась. Правое колено болезненно пульсировало. Стоять было сносно, а вот двигаться… Лисбет даже радовалась, что её не приглашали, но как отказать графу Вергскому?

Мало того, что он хозяин, так ещё холост и красив. Нужно вытерпеть. Всего один танец. Лисбет улыбалась, пытаясь шагать увереннее и ничем не выдавать себя. Не хотела, чтобы кто-то знал.

Вокруг кружилось с десяток пар: юные и замужние, пестрящие дорогими нарядами. На их фоне Лисбет робела, выглядела проще, беднее. Из отличительных черт лишь худощавая фигура и болезненная походка. Почему же из стольких девушек граф пригласил именно её? Наверное, это заложено в человеческую натуру: все люди искренне хотят быть особенными, любимыми, замеченными кем-то, но стоит им стать предметом интереса симпатичного человека, они не верят своему счастью, отрицают его, начинают убеждать себя, что недостойны, и что всё это глупая шутка судьбы. И жизнь, готовая преподнести подарок, рассердившись на неблагодарность, тут же готовится сделать подножку. Вот тогда-то и наступает радость. Мысли, что «да, так и должно было случиться, я знал, что всё не может быть хорошо» находят подтверждение. Человек несчастен и в то же время торжествует, что несчастен в своей правоте.

Граф Вергский танцевал отлично, держался уверенно и не прекращал обольстительно улыбаться. Лисбет чувствовала крепкую хватку на талии, да и ладонь его была достаточно горячей. Девушка даже пожалела, что надела перчатки. Руки вспотели и начинали зудеть.

— Всё в порядке? — поинтересовался Йон. Лисбет и не заметила, как нахмурилась и отвела взгляд.

— Да… да, всё хорошо. — Она неловко улыбнулась. Боль пронизывала сильнее по мере того, как девушка двигалась.

— Ваше настроение испортилось?

— Нет, конечно, нет. Вы… простите моего дядю. Он говорит разные глупости.

— Я вовсе не оскорблён, — отозвался граф, кружа Лисбет в танце, — возможно, в его годы я буду говорить так же.

— Он не так уж стар.

— Разумеется. Но он ведь сам считает иначе. Я рад, что вы приняли моё приглашение. Иногда становится грустно оттого, что не видишь новых лиц. Вы задержитесь в городе?

— На пару дней.

— А после?

— Поедем домой. Дядюшка не любит гостить где-либо.

— Жаль. Я бы хотел сводить вас в театр.

В очередной раз наступив на правую ногу, Лисбет вздрогнула.

— Звучит заманчиво. С радостью составлю вам компанию.

Темп музыки ускорился. Танцующие пары задвигались быстрее. Йон расплылся в улыбке, увлекая Лисбет в динамичный танец. Он отплясывал так, словно это был последний танец в его жизни. Шаг, шаг, поворот, шаг. Пары кружились, мешались между собой. Девушки кокетливо двигали плечами и руками, смеялись, полные сил и уверенности в себе. Юноши ни в чём не уступали им. Лисбет почувствовала головокружение. Она хотела остановиться, но граф не позволил ей этого сделать. Резко закружив, он потянул её за руку. Колено пронзила острая боль. Лисбет вскрикнула. От неожиданности Йон отпустил её, и девушка свалилась на пол. Танцующие пары в изумлении обернулись. Лицо Лисбет исказила гримаса боли, затем стыда. Колено отзывалось адской болью, словно сотни ножей одновременно вонзались в кожу и доходили до самой кости. В уголках глаз выступили слёзы, но Лисбет удержала их.

— Вы в порядке? — Йон обеспокоенно склонился над ней. — Мне так жаль, я не думал… — Музыка почти заглушала его голос.

— Довольно, — Лисбет махнула рукой. Дыхание стало отрывистым. Лицо покраснело. Хотелось провалиться под землю и умереть здесь, прямо сейчас, только бы куча людей не глазела на неё.

— Обопритесь на меня. — Йон подал девушке руку, но та засомневалась. Слёзы обиды и боли уже начинали застилать обзор. — Лисбет? — Она протянула ему ладонь и, едва сдерживая, слетающий с губ болезненный стон, начала подниматься.

— Вот так… — граф помог ей встать. Лисбет машинально поправила юбку и поджала губы. — Вам нужно присесть.

— Нет. Я желаю уехать.

— Но как? Лисбет… прошу, простите меня.

— Вы не виноваты. — Девушка заметила пристальный дядюшкин взгляд, но он казался самым терпимым по сравнению с тем, как смотрели другие. Некоторые дамы начали перешёптываться между собой. Лисбет чувствовала, как они насмехаются над её нелепостью. Снисходительные взгляды, едва заметные кивки будто подтверждали то, что Лисбет мог ждать только один финал — позор, в котором все были уверены с первых секунд. Хромая, она поплелась к дверям. Йон, растерянный и побледневший, придерживал её за руку.

— Не уезжайте. Давайте, я провожу вас в свободную комнату, позову врача?

— Мне не нужен врач, я здорова.

— Вы ушиблись.

— Вовсе нет.

— Я не понимаю, как так вышло…

— Нечего здесь понимать.

— Ну что, доскакалась? — В голосе Эрленда послышались нотки иронии. Он испепеляюще посмотрел на графа Вергского, мысленно виня его во всех бедах мира.

— Давай, отпусти мою племянницу. — Практически отогнав молодого мужчину, Эрленд занял его место, позволив Лисбет опереться на себя.

— Давайте уедем, дядя, — тихо прошептала она, мечтая как можно быстрее сбежать от позора. Кто-то уже перестал обращать внимание на происходящее, вновь увлёкся танцами или разговором, но некоторые с любопытством наблюдали.

— Давно пора, — отозвался Эрленд. — Здесь стало слишком душно.

— Лисбет, мне очень жаль. — Йон продолжал идти рядом, пусть уже и не касаясь девушки. — Если я могу чем-то загладить вину…

— Вы не виноваты, — оборвала его Лисбет. — Возвращайтесь к гостям, я буду в порядке.

— Может, стоит послать за врачом?

— Нет.

— А как же театр? Завтра…

— Извините, вам, кажется, придётся пойти с кем-то другим.

— Лисбет…

Эрленд вышел из зала, увлекая племянницу за собой. Та шла медленно, преодолевая страшную боль, а каждый новый шаг лишь усиливал её. Йон за ними не последовал, решив дать девушке время, чтобы прийти в себя. Избавившись от сопровождения навязчивого графа, Эрленд презрительно фыркнул.

— «Вы не виноваты», — передразнил он племянницу. — Конечно же, он виноват. Иначе и быть не может. Зачем ты только согласилась танцевать с ним? Выставила себя на посмешище. Не думал, что ты пляшешь хуже курицы.

Слова дяди ударили по больному. Как ни силилась, Лисбет больше не могла сдерживать слёзы. Щеки вымокли, ступени плыли перед глазами. Она не видела, куда наступает, но осторожно следовала за дядей, стараясь всхлипывать негромко и не привлекать больше внимания.

— Прекращай реветь и выставлять себя ещё более жалкой.

Свободной рукой Лисбет попыталась утереть слезы, но они появлялись вновь. Эрленд крепко держал её. Они шагали вдоль коридора. Боль, словно яд, отравляла и душу, и тело. Лисбет чувствовала себя униженной. «И зачем я только согласилась танцевать? Я ведь знала…»

— Нога болит? — поинтересовался Эрленд. — Сегодня же вернёмся в Рагон, я приставлю к тебе своего лекаря.

— Нет, не нужно, я в порядке.

— Ты еле идёшь.

— Меня качает, но это пройдёт к утру, обещаю вам. Не нужно врачей.

— К чему проявлять упёртость?

— Не беспокойтесь, дядя. Я знаю, о чём говорю. — Лисбет поджала губы. Она боялась встречи с врачами, предполагала, что скажут они, узнав о её травме, не хотела слышать этого… знать. Лишь слово поставило бы крест на всём, а Лисбет не могла этого допустить.

Глава 6
Воровка

Пронзительный звук гудка ворвался в безмятежный сон. Поезд начал замедляться, скрипели колёса, из соседних купе доносились голоса и шорохи. Ида поспешила подняться. Тело ломило, но внутри бушевало предвкушение. Девочка чувствовала себя иначе: впервые действительно сытой и выспавшейся. Запах прежней жизни исчез. Теперь дышалось свободнее, и каждый вдох казался новым неизвестным ощущением. Ида выглянула в окно. Поезд подъезжал к небольшому селению. С краю хаотично были разбросаны одноэтажные домики с оградками и малыми дворами. Между ними виднелись узенькие улочки, обрамлённые зелёной растительностью. За ними появились строения побольше. Они стояли ровно, как солдаты. На некоторых висели яркие вывески.

— Это он? Тот самый мир? — поинтересовалась Ида у господина, который, закинув ногу на ногу, внимательно изучал содержимое книги в серой обложке, лежавшей у него на коленях. Услышав голос, он выглянул в окно с отстранённым выражением лица.

— Нет, всего лишь станция, чем-то похожая на вашу.

Ида тут же поникла.

— И вовсе не похожа. А когда мы попадём туда?

— Скоро.

Девочка села, ещё раз внимательно осмотрев мужчину. Она дотронулась рукой до опухшего носа, который отзывался пульсирующей болью, и прокляла мальчишек. Впрочем, поймала себя на мысли, что почти не ненавидит их. В конце концов, они сдохнут на отшибе, тогда как она будет жить в прекрасном мире и есть сколько угодно хлеба.

— Болит? — поинтересовался господин. Ида кивнула. — Я осмотрю тебя, как приедем. Придётся до тех пор потерпеть.

Ида слегка нахмурилась. Она не понимала, что значит «осмотрю», а воображение отказалось работать и строить даже самые скудные догадки.

— Ты голодна?

— Нет. — На лице Иды отразилось удивление. Она ведь совсем недавно поела, с чего бы ей быть голодной? «Неужели у этого человека так много еды? Или он шутит надо мной?» Девочка перевела взгляд на серую книгу в руках господина.

— Что это?

— Это? — Мужчина приподнял книгу. На обложке были выведены чёрные завивающиеся буквы, но Ида видела их в первый раз. — Никоэль Траст «Дух забвения». Мне дала её на прочтение одна милая леди. Уверяла, что я не останусь равнодушным, и правда… я нахожусь в полном восторге. Здесь столько интересных мыслей, а уж герой… Его считают извергом, но лишь потому, что он говорит о недоступной для многих свободе. Если общество диктует правила, в которых свобода — привилегия «избранных», то могут ли они рассчитывать на то, что их свобода не закончится там, где начнётся свобода других «избранных»? Что помешает последним расширить границы влияния и поглотить пешку, считающую себя ладьёй?

Ида слушала внимательно, хотя не понимала, о чём идёт речь. Что за Никоэль Траст? Что за дух? Что такое забвение, пешка и ладья? Разве не все люди свободны? И, наконец, кто та самая леди?

— Изверг — это как моя тётка?

Господин усмехнулся.

— Боюсь, под это определение можно подвести разных людей не с самыми приятными качествами. Видишь ли, мы так устроены, что всегда считаем неправильными тех, чьи взгляды

отличаются от наших. Если мы, люди, видим несогласных, то тут же прилагаем все усилия, чтобы очернить их, выставить дураками, заставить сомневаться в себе и, в конце концов, раскаяться, потому что нам не хочется падать в собственных глазах. По той же причине мы цепляемся за стадо, ведь большинство не может ошибаться.

— Хм… разумно.

— Нет. Вот скажи, какого цвета солнце?

— Жёлтого.

— Точно?

— Конечно.

— А если я скажу тебе, что синее?

— Я скажу, что это неправда.

— Но я буду настаивать. Я убеждён, что оно синее.

— Достаточно посмотреть на него, чтобы понять: это не так!

— Но я смотрю и вижу синее солнце.

— Вы лгун!

— А если ещё сотня человек скажет тебе, что видит синее солнце? Ты обвинишь их всех во лжи? Или начнёшь сомневаться?

Ида задумалась.

— Скажу, что они врунишки, самые гадкие! Наверняка сговорились, чтобы поиздеваться надо мной! Я вижу солнце и знаю, что оно не синее!

— Думаешь, глаза не могут подвести тебя?

— Конечно, нет! Плохо видят только старые, а я не буду старой.

— Получается, большинство может ошибаться?

— Большинство может нагло врать. — Ида надулась и скрестила руки на груди.

— Умеешь читать? — поинтересовался господин.

— Нет.

— У вас совсем не было книг?

Ида отрицательно покачала головой.

— Прискорбно. — Поезд остановился, и в соседних купе началось движение. Господин ещё раз выглянул в окно, закрыл книгу, положив её на сиденье рядом, и поднялся. — Выйду, покурю. Сиди здесь, хорошо?

Ида кивнула. Господин вытащил трубку из кармана и шагнул в узенький коридорчик. Мимо купе прошло ещё несколько человек. Девочка заметила трёх мужчин и двух дам в пёстрых платьях. Они переговаривались, тихо посмеивались и поправляли головные уборы. Ида задержала взгляд на милых шляпках. Как чудно они сидели на их головах! Сколько достоинства и ослепительной красоты они дарили своим носительницам! Казалось, у каждой шляпки была своя история, и, надевая её, дама сразу становилась выше и заставляла мужчин обращать на себя внимание. У Иды появилось жгучее желание обладать точно такой же. «У меня теперь новая жизнь. Я еду в лучший мир. Интересно… могу я носить такую же шляпку или платье?»

Прежде у девочки никогда не было красивых вещей, но она о них и не думала. Голод и нищета не позволяли мечтать о глупостях, но теперь, когда всё начало столь кардинально меняться, Ида решила, что желания тоже можно менять, и что она достойна большего. Покачивая ногами, девочка наблюдала, как люди удаляются, потом выглянула в окно, думая, что увидит там привычную картину: множество детей-оборванцев, просящих милостыню, но ничего подобного не было. Никто не подбегал к богатым людям и ничего у них не просил. Ида приблизила лицо к окну, внимательно приглядевшись. Станция не сильно отличалась от той, где она жила, но что-то здесь определённо было другим: отсутствовали нагнетающая атмосфера, драки за кусок хлеба и мелькающие лохмотья. Несмотря на скромность, вокруг было чисто и тихо.

Девочка слезла с сиденья, опасливо выглянула в коридорчик, сделала пару шагов, и замерла у соседнего купе. Оно практически пустовало: только одна девушка мирно дремала, прислонив голову к стене: круглолицая, с тоненькими запястьями, лебединой шеей и тёмными вьющимися локонами. На мгновение Ида представила себя на её месте. «Интересно, я смогла бы быть такой же красивой?» Никогда прежде не наблюдав за кем-то из другого мира столь близко и долго, она почувствовала нарастающее возбуждение. Иду пробрало чувство зависти. Терзал интерес: как же на самом деле живут эти люди? Где берут роскошные наряды? И почему ездят на этом поезде? «Если он везёт нас в лучший мир, то откуда едут эти люди? Не может быть, чтобы они жили на других отшибах».

Взгляд девочки остановился на маленькой шляпке бежевого цвета с пышными белыми перьями, что украшала голову незнакомки. Охватило искушение завладеть предметом. Несколько мгновений она колебалась. Воровать на отшибе было делом естественным, но как всё обстояло здесь, Ида понимала достаточно смутно. В итоге решив, что порядки этих людей вряд ли отличаются, она внимательно осмотрелась. Убедившись, что свидетелей нет и осторожно прокравшись к спящей, девочка забралась на сидение рядом и замерла в нескольких сантиметрах от желаемого. От незнакомки исходил приятный цветочный запах. Пару мгновений Ида просто наслаждалась им, принюхивалась, пыталась воскресить в памяти хоть что-то похожее, однако на ум ничего не приходило. Иде захотелось пахнуть так же, но она не знала, что для этого нужно сделать. Вдруг ей показалось, что девушка вот-вот проснётся и поймает её на месте преступления. Ида протянула грязную худую руку, осторожно скользнула пальцами по шляпке, поняв, как она крепится, и сняла её ловко и незаметно. Тут же отпрянула, сползла на пол и как можно быстрее вернулась в своё пустующее купе. Сердце бешено колотилось. Она и раньше воровала, но никогда у таких, как эта девушка, и никогда — столь дорогие вещи.

Ида внимательно осмотрела шляпку, провела пальцами по перьям, затем распахнула худое пальтишко и сунула её во внутренний карман. Никто не должен увидеть, что она украла. Довольная собой, девочка выглянула в окно. Люди пока не спешили заходить обратно. Мужчины курили, дамы вели беседы. Иногда мелькали местные жители: работники станции. Одни ходили вдоль рельс, вторые мели платформу.

Девочка покосилась на серую книгу, которую господин оставил на сидении перед выходом. Она приблизилась, взяла предмет в руки и ощупала его. Гладкая поверхность, желтоватые листы, пахнущие чем-то незнакомым, старинным и приятным. Множество символов, которые Ида не могла прочесть. Она ещё раз посмотрела на обложку.

— Дух забвения… — прошептав название, услышанное от мужчины, девочка перелистала книгу дальше середины, аккуратно вырвала из неё листок, свернула и спрятала в карман. «Здесь много таких же, не заметит», — решила Ида, возвращая книгу в то же положение, из которого взяла. Её мучило любопытство: хотелось знать, что за интересные мысли там есть.

Она пока не придумала, как будет читать, не зная букв, но планировала разобраться с этим позже. Забравшись на сиденье, Ида стала беззаботно болтать ногами. Теперь у неё были новая шляпка и целый листок из серой книги, которую читал господин. В левом кармане лежал нож, в правом тёткин браслет. Девочка вспомнила о том, как у неё отобрали золотую монету, бережно хранимую целый месяц. Её кольнула досада, и мысленно Ида пожелала двум мальчишкам мучительной медленной смерти. Под конец она подумала про Густава: вспомнила болезненного вида младшего брата, его напуганное бледное лицо, грязные струйки воды, стекающие по слипшимся тёмным волосам и одежде. Она всё не могла отделаться от страха. «А что бы я чувствовала, если бы действительно убила его?»

Глава 7
Гость

Постучали. Лисбет вздрогнула, отвлекшись от мыслей, с которыми никак не могла собраться. Как же любили мешать её уединению! Иногда так хотелось остаться предоставленной самой себе, что-то обдумать, принять верное решение. Беспокойство грызло изнутри, не давало спокойно спать, и потому Лисбет чувствовала разбитость. Не хотелось никого видеть, она сделала глубокий вдох.

— Войдите.

Раздался скрип. На пороге появилась невысокая женщина в длинном невзрачном платье. В руках она держала поднос с оловянным чайничком, начищенным до блеска, фарфоровой кружкой и тарелкой с печеньем.

— Ваш зелёный чай, миледи…

— Благодарю, Улла.

Служанка неспешно прошла вперёд и опустила поднос на столик, что стоял перед тахтой, на которой сидела Лисбет.

— Печенье свежее, только сегодня испекли. Как узнали о вашем приезде, так сразу за продуктами и побежала. Никак не думали, что вернётесь раньше выходных. Я, конечно, не любопытная, да и в дела чужие не лезу, но, кажется, граф обмолвился, что вы больны?

— Ничуть. — Лисбет придвинулась ближе к столику. Она сделала это с осторожностью, но больное колено всё равно дало о себе знать. Улла склонилась, взяв в руки чайничек, и налила содержимое в кружку.

— Может, хотите фруктов или сыра?

— Нет.

— Тогда приятного чаепития. — Улла чуть склонила голову и направилась к двери, но вдруг замерла и обернулась. — Ах да… совсем забыла. Граф просил передать, что сегодня к вам заедет господин Леннарт Артес. Возможно, даже к обеду.

Лисбет поднесла кружку чая к губам. В нос ударил горячий пар, насыщенный приятным травянисто-каштановым запахом.

— У него ко мне какое-то дело? Или он к дядюшке?

— Не знаю, миледи.

— Что же, благодарю, что сообщила. Ты свободна.

Служанка скрылась за порогом, прикрыв за собою дверь. В горле пересохло, потому Лисбет сделала жадный глоток. Ротовую полость обожгло. Язык утратил чувствительность. Она скривилась и, проглотив горячее содержимое, открыла рот, вбирая в себя воздух. «Ах, какая я глупая», — подумала девушка, ставя чашку обратно на поднос. Желание пить чай отпало. Теперь уже не оценить его вкуса.

Лисбет устроилась удобнее, приподняла подол платья, оголяя худенькие бледные ноги. Правое колено распухло и пробрело синеватый оттенок вокруг небольшой раны, теперь выглядевшей особенно мерзко, словно загнивающая щель, из которой вот-вот должен вырваться ад. По бокам виднелись кровоподтёки. Лисбет стиснула зубы, пытаясь сдержать подступившие слёзы. «Что же делать? Перевязка не поможет. Обратиться к врачам? Нет… решительно нет. Я не могу. Эти звери оставят меня прикованной к постели навечно. Уж лучше я умру».

Лисбет опустила подол, не в силах смотреть на собственное увечье. Она не понимала, за что судьба обходится с ней так жестоко. Почему она была вынуждена бежать из родного дома, и в итоге не нашла жизни лучшей, а только терпела лишения? В этом чужом, пусть и хорошо обставленном углу она чувствовала подавляющую неприкаянность. Не было дня,

чтобы девушка не вспоминала о Юме, об ужасе, охватившем её, когда за окнами показалась гвардия, когда отец силой затащил её в коляску и велел везти на перрон. Сделав глубокий вдох, Лисбет облокотилась на спинку. «Нельзя себя жалеть. Жалость порождает слабость, а слабость ещё никого не спасла».

***

Леннарт, как и обещалось, прибыл к обеду. Он уселся за стол вместе с Лисбет и графом Горцким, что всем видом выказывал неприязнь: он не любил принимать гостей так же, как и ходить на приёмы.

Слуги вынесли столовые приборы, затем горячие блюда. Эрленд велел подать вино, сказав, что без него обед не считается полноценным. Леннарт улыбнулся, согласившись с хозяином.

— Как поживает граф Вергский? Не обзавёлся семьёй? — поинтересовался Леннарт. Эрленд настойчиво разрезал мясо на блюде, а услышав вопрос, поморщился, как будто съел что-то отвратительное.

— Кому он сдался?

— Разве он не уважаемый человек?

— В теперешнее время заслужить уважение — значит родиться в правильной семье. Раньше мы служили и подолгу, титулы не давались просто так, а сейчас земли разбазариваются кому ни попади по всему югу и востоку. Разве сложно добиться внимания общества, когда наследство падает в руки в столь юном возрасте?

— Не всё держится на этом. — Леннарт окинул взглядом комнату. Она не отличалась роскошью, не содержала лишних украшений. На одной из стен висели две картины с блеклыми осенними пейзажами, тихо тикали резные часы. Мебель из тёмного дуба сжимала пространство, но белая скатерть выигрышно контрастировала на её фоне. Леннарт бросил взгляд на Лисбет. Комнате будто не хватало женской руки: чего-то утончённого вроде цветов в вазах. Эрленд давно овдовел, а его племянница, судя по всему, была занята другими вещами.

— Разумеется, на этом. И на смазливом лице, — отозвался граф, затем отправил в рот кусочек мяса и разжевал с недовольным видом. Лисбет сидела молча. Она изучала взглядом еду, но не притрагивалась к ней: аппетита не было.

— Что же, останемся при своих мнениях. — Леннарт отведал золотистой картошки с подливом, попробовал и жареную свинину. Затем перевёл взгляд на Лисбет, которая скромно тыкала вилкой в единственную картофелину на тарелке. — Что же вы не едите, голубушка? Совсем исхудали.

— Действительно. — Эрленд перевёл взгляд на племянницу. — Твоя мать была такой же, это семейное. Давай, съешь хоть что-нибудь. Не смущай гостя.

— Прошу прощения, — отозвалась девушка, подняв взгляд, — я не голодна.

— Снова плохо? Так и знал, что нужно приставить врача. Завтра же…

— Нет, вовсе нет. Я в порядке…

— Что-то случилось? — На лице Леннарта отразилась заинтересованность. Он даже отложил вилку и сделал небольшой глоток вина, что на вкус оказалось кислым и чуточку вязким.

— Её донимал недуг, потому и вернулись, — отозвался Эрленд.

— Неужели? С этим лучше не шутить…

— Дядюшка преувеличивает, со мной всё хорошо.

— Что толку тебе верить? — фыркнул Эрленд. — Пусть тебя осмотрят да пропишут лечение. Может, исчезнет эта бледность с лица.

— Не нужно, дядя, пожалуйста. — Лисбет напряглась, чувствуя, что теряет контроль над ситуацией. — Вот смотрите, ради вас я даже поем. — Она отломила кусочек картофелины и отправила его в рот.

— Ты делаешь мне одолжение? — возмутился Эрленд.

— Завтра приезжает наш общий знакомый, доктор Вальтер. Если хотите, Лисбет, он заглянет к вам.

— Не стоит. — Девушка опустила взгляд. «С Вальтером я увижусь и так. Не хватало ещё, чтобы он знал…»

— Пусть приходит, — отозвался граф. — У меня самого болит поясница. Давно пора с этим что-то сделать.

— Я передам вашу просьбу.

— Как дела в институте? — Чувствуя безнадёжность, Лисбет попыталась сменить тему. Она откинулась на спинку стула. Колено отзывалось резкой пульсирующей болью, и девушка осторожно вытянула ногу.

— Отлично. Успехи студентов радуют и даже обнадёживают. Удивлю, но один из них мне недавно заявил, что собирается усовершенствовать паровую машину. Дело в двигателе внешнего сгорания, который преобразует энергию водяного пара в механическую работу. Он сообщил, что намерен использовать вакуумный двигатель, который снизит рабочее давление пара. Ещё я слышал, что в северной столице строят дирижабль. Не за горами тот день, когда мы уподобимся птицам и будем рассекать облака.

— Вы в это верите?

— А почему бы и не верить? Вспомните, как жили предки. Сейчас для нас это дикость, какой наша эпоха для будущих поколений.

— Предки жили, храня традиции, чистоту крови, верность долгу, — заговорил Эрленд, — вы же растеряли всё. Технический прогресс шагает в ногу с нравственным падением.

— Иногда приходится жертвовать чем-то, чтобы приобретать новое.

— И вы предпочитаете жертвовать духовными ценностями, всем, ради чего горбатились ваши отцы.

— Это не так. Наука не мешает развитию духовности.

— Вижу я вашу духовность… — Эрленд с жадностью отхлебнул из бокала. — Как будто кто-то из вас молится за спасение души.

— Думаю, дело в восприятии. Если душа существует, то не лучше ли облагораживать её полезными делами, а не молитвами?

— Если существует… вы только вслушайтесь. Откуда столько сомнений в молодых людях? Кто вбил в ваши головы то, что всё в мире обман, а те, кто придумал его — дураки?

— Сомнения — верные спутники того, кто пытается найти истину. Если человек перестаёт сомневаться, он не мыслит, не смотрит на ситуацию с разных сторон, а между тем это может сыграть с ним злую шутку.

— Вы забиваете мозг чепухой. Вам нравится думать, что мир сложнее, чем есть на самом деле. Ищите кучу смыслов там, где их нет, а между тем у каждого из нас есть своё место в мире, своё предназначение.

— Человек волен изменить его.

— Считаете, что человек волен? — Эрленд усмехнулся и покачал головой.

— Физически не всякий, но если уж вы верите в душу, неужели считаете, что она тоже подчиняется кому-то?

— Душа — заложница тела, а что будет с ней после освобождения — решать не нам. Не нам выбирать, в ад или в рай мы пойдём. Остаётся лишь жить по правде, в которую мы верим и надеяться на лучшее. Хотя все мы прокляты, сомнений нет. Свобода, о которой вы в тайне грезите, обманчивое явление, куда более лицемерное, чем идея о классовом разделении.

Люди понятия не имеют, что делать со своей свободой, а к тому времени, как придумают, вы поймёте, что неуправляемое стадо хуже любой стихии.

— Вас пугают возможные перемены?

— Я надеюсь не дожить до катаклизма, до момента, когда извращённые умы позволят невеждам диктовать правила и брать блага, которые им не принадлежат.

Леннарт едва заметно улыбнулся. Лисбет сжалась, боясь, что разговор зайдёт не туда. Дядя не знал, насколько близок в своих подозрениях и ей не хотелось, чтобы он понял скрытый смысл брошенных Леннартом фраз.

Глава 8
Новый мир

Гудок беспощадно разрушил застывшую тишину. Пыхтя и покачиваясь, поезд затормаживался. Звуки жизни ворвались в пространство: истошно завыли рельсы, в соседних купе зашевелились люди.

— Ида, просыпайся. — Господин легонько коснулся девичьего плеча. Ида вздрогнула, выпадая из сумбурного сна, распахнула глаза и сощурилась. В голове обрывками проносились мысли: девочка помнила, что ей снился отшиб, словно она опять убегала от кого-то по грязным пустынным улицам. Мужчина, не обращая внимания на её рассеянное сонное состояние, упаковал вещи, надел на голову чёрный цилиндр, очертив его край мимолётным жестом, и осмотрел карманы, проверяя всё ли на месте. Ида приподнялась и выглянула в окно, затем резко прильнула щекой к стеклу, чтобы рассмотреть станцию, на которую они прибывали.

Это место ничем не походило на отшиб. Станция отличалась широтой, где на каждых трёх метрах мог позволить себе расположиться каждый обладающий багажом или же просто ожидающий кого-то господин. Сюда вела не единственная старая дорога, где временами проходили товарные поезда, а параллельно друг другу тянулись ровные линии рельс, где-то вдалеке сплетающиеся и расходящиеся в разные стороны света. На перроне стояли богато одетые люди с аристократичными лицами. Многие из них были полноватыми, кто-то — в меру упитанным, и лишь небольшую треть составляли худощавые высокие дамы или их кавалеры. При каждом присутствовал багаж; вероятно, они ожидали своего рейса. Мелькала пестрота костюмов и платьев, нежных шёлковых тканей и рюш. Некоторые мужчины покуривали трубки, иные спешили к вагонам, высматривая кого-то в окнах. Вокруг взрослых радостно бегали дети во многом похожие на родителей: одетые с иголочки и причесанные по последней моде. За перроном высилось двухэтажное здание сероватого оттенка, с большими окнами и надписью на самом верху. Девочка пробежалась глазами по буквам, но прочесть не смогла. Вдоль платформы тянулись небольшие киоски, торгующие журналами, напитками и мелкими сувенирами. Ида не успевала охватывать взглядом диковинные товары. Руки невольно потянулись к ним, но упёрлись в стекло.

— Это он? Тот самый мир?

— Да, — отозвался господин без видимого энтузиазма, — мы приехали.

Идин пульс участился. Её охватили волнение и страх перед неизведанным. Воображение металось в догадках. Куда они пойдут теперь? Что будут делать?

— Кто-нибудь видел мою шляпку? — донесся женский голос из соседнего купе.

— Разве она не была на тебе?

— Посмотри, может, упала на пол?

Ида обхватила себя руками, запахивая края пальто. Она знала, что шляпка мирно покоится во внутреннем кармане.

— Я её нигде не вижу. Не могла же я убрать её в сумку и не заметить?

Поезд практически остановился. Ида хотела как можно быстрее очутиться на улице, пока никто не понял, что она украла. Вдруг начнут осматривать? Вдруг она выдаст себя? Господин взял в руку чемодан, а девочка уже готовилась сорваться с места.

— Пойдём. Держись рядом, а то потеряешься. — Он прошёл в узенький коридорчик, пропустив прежде спешащего вперёд мужчину. Ида соскочила с места и поспешила следом. У соседнего купе она на мгновение замерла. Темноволосая девушка в панике перебирала вещи в сумке, а две другие дамы наблюдали за ней. Прижимая худое пальтишко к телу, Ида двинулась за господином. Вместе с ними на перрон вышли ещё пятеро человек. Едва ступив на холодный

бетон, Ида начала озираться по сторонам. На фоне всех этих людей она выглядела жалко и бедно, будто бы внезапно оказалась в стране великанов с недовольными каменными лицами, которые только и ждали момента, чтобы отмахнуться от неё, как от насекомого, мельтешащего перед глазами. Некоторые, замечая её, кривили нос и старались обойти стороной, иные перешёптывались: мол, что эта оборванка здесь делает? Отовсюду доносились голоса, то тихие, то громкие, перекликающиеся между собой и сливающиеся в единый гомон. Господин с чемоданом уверенно шагал вперёд. Девочка старалась от него не отставать.

— Давайте быстрее! — Полноватая женщина, державшая в руках три желтоватых билета, оттолкнула Иду в сторону, расчищая себе дорогу. За ней с двумя чемоданами пронеслись мужчина и невысокий пухлый мальчик. Девочка сурово посмотрела им вслед.

— Жируха! Попридержи свой огромный зад! — крикнула она, машинально потерев плечо. Женщина того даже не заметила. Она протягивала вперёд руку с билетами, подбегая к вагону.

Они поспешно обошли вокзал. Едва Ида решила поинтересоваться, куда идти, как перед ними возник высокий хорошо сложенный юноша в костюме и предложил транспорт. Господин согласился, погрузил чемодан, затем помог Иде взобраться в коляску и сел сам. Назвал адрес, юноша кивнул и ударил поводьями. Они поехали вдоль улицы, вымощенной камнем. Мимо проплывали дома самых разнообразных архитектурных стилей. Некоторые были низенькими и аккуратными, иные отбрасывали могучую тень, пестрили балконами, колоннами, резными ставнями, отличались симметрией и облицовкой стен. Ида всматривалась в каждую деталь, постоянно вертела головой, боясь что-то пропустить. Она забыла и про боль, и про прошлую жизнь. На какое-то время она очутилась в сказочном красивом мире. Пахло здесь, правда, немногим лучше. Крыши обволакивала дымка, а серое мертвенное небо почти не отличалось от того, что Ида видела каждый день. Возле поместий росли высокие тополя и клёны. Откуда-то доносились приятные мелодичные звуки, что перебивались общим уличным шумом.

Коляска остановилась у двухэтажного беленького домика с открытыми ставнями, возле которого рос единственный частично засохший дуб. К дверям вела ровненькая лестница с изгибающимися, выкрашенными позолотой перилами. Внизу стояли две небольших статуи, изображающие котов, в неживом взгляде которых сквозила воинственность. Ида удивлённо и настороженно уставилась на них, будто ждала, что те зарычат и прыгнут. Ей было непонятно, зачем они здесь, ведь коты слишком большие и тяжёлые, чтобы с ними можно было играть. Господин расплатился с возницей монетами, затем сошёл на землю и протянул руку девочке. Она последовала его примеру не сразу, ещё какое-то время ощупывала гладкое сиденье и рассматривала улицу, соседние дома, дворики и оградки. Затем тоже слезла и подняла голову, чтобы лучше разглядеть возвышающееся здание.

— Здесь, наверное, живёт много людей?

Ида по пальцам попыталась посчитать приблизительное количество окон.

— Нет, здесь живём только я и мой сын. Ещё экономка. — Господин направился к лестнице. Ида впала в оцепенение, не поверив в то, что услышала. Как три человека могут жить в таком огромном доме? Неужели она тоже сможет взобраться по лестнице и узнать, что находится внутри? Станет частью лучшей, богатой жизни? Едва господин прошёл половину ступенек, как дверь перед ним распахнулась и на пороге появилась женщина средних лет в длинном чёрном платье, фартуке и чепце. Круглое лицо озарила улыбка.

— Ах, с прибытием, мистер Вальтер! Мы вас уже заждались! — Она всплеснула руками, затем хлопнула в ладоши.

«Вальтер, — мысленно повторила про себя Ида, — так вот, как его зовут». Она опасливо взобралась на первую ступеньку, взялась рукой за холодные перила, почувствовав себя действительно в ином мире и другим человеком. Всё вокруг казалось чужеродным и таинственным. Можно было бесконечно рассматривать каждый камень и изгиб перил, узоры на платьях

проходящих дам. Во всём крылась загадка, что-то недостижимое и пленительное. «Какова цена всего этого?» — подумала Ида, воскрешая в памяти лицо брата, холодную реку, чувство ужаса, которое пришлось пережить им обоим. Она была мерзкой жабой на красивом блюде с фруктами: неуместной, и боялась, вдруг её не примут здесь?

— Ида, поторопись. — Уже шагнув за порог, Вальтер обернулся, чтобы проверить, не отстала ли от него замарашка. Девочка отвлеклась от мыслей, преодолела оставшиеся ступени и с трепетом вошла в тёмный коридор. В нос тут же ударил незнакомый, но очень приятный запах. Так пахла свежая выпечка, приправленная корицей и сахарной пудрой. Стянув обувь, Вальтер оставил чемодан у входа и прошёл вперёд.

— Для меня нет большего удовольствия, чем возвращение в стены любимого имения! Как вы здесь справляетесь?

— Хорошо справляемся. Не переживайте, — отозвалась женщина. — Вчера заглядывал мистер Артес, изволил интересоваться о вашем прибытии. Я ему как есть сказала.

— Ненасытные… Ни минуты покоя, даже в гробу достанут. Вот почему стоит иногда уезжать.

— Помилуйте… Я не знала, что ваш приезд — это тайна, иначе бы не сболтнула.

— Не тайна. Я не злюсь, что ты сказала, Аста. Всё в порядке.

Мужчина отмахнулся. Ида внимательно осматривала выбеленные стены с картинами в позолоченных рамках. Изображения выглядели как настоящие. На одной из картин горделиво восседала девушка, похожая на тех, что ехали в поезде. В руках она держала веер, светлые локоны спадали на пышную грудь, путаясь с кружевом на декольте, а надменный взгляд был устремлен вдаль. На второй картине красовался пейзаж: обожжённые осенью деревья, отражающиеся в зеркальной поверхности озера. На третьей расположилось несколько людей знатного вида. Они сидели за круглым столом, ломящимся от обилия дымящихся блюд.

Такой пестроты Ида никогда не видела и полагала, что быть такого попросту не может. Большинство продуктов она не могла даже узнать или хоть как-то представить себе их вкус. Захотелось пощупать предметы искусства, но поблизости вновь возник женский голос.

— А это кто с вами? Что за нищенка? Где вы её нашли?

— Разуйся, Ида, пройди сюда, — обратился к ней Вальтер, снимая цилиндр. Девочка взглянула на место, где мужчина оставил обувь, затем последовала его примеру. Мозолистыми грязными ногами она ступила на узорчатый махровый половик. Лицо женщины тут же побелело, но она не посмела возмутиться.

— Аста, организуй ей ванную, да переодень в чистое к обеду.

— Во что же я её переодену?

— Дай ей одно из своих платьев, да пошли за портным. Пусть снимет мерки и сошьет ей наряды. Негоже, когда девочке нечего надеть.

— Да ведь ей мои платья не подойдут. — Женщина поморщилась, осматривая худощавую девчонку, вонь от которой неприятно била в нос.

— Что же ты предлагаешь?

Аста неодобрительно покачала головой.

— Не знаю. Ну хорошо, будь по-вашему. Однако где вы её всё-таки взяли?

— Где взял, там теперь нет. Я поднимусь к себе. Скажешь, как будет накрыто на стол.

— Слушаюсь.

Вальтер пригладил усы, затем стал подниматься по деревянной лестнице, ведущей на второй этаж. Как только он скрылся из виду, Аста перестала сдерживаться.

— А ну сойди с половика! Сойди же, грязнуля! Ах, гадкая! Да я же только чистила! Да сколько трудов угробила!

Ида ступила на холодный пол, не особо обидевшись или разочаровавшись. В её прежнем доме не было ни половиков, ни маленьких ковриков. Женщина в чепце запричитала. «Интересно, кто она? — подумала Ида. — Может, его жена?»

— Давай, пойдём со мной. — Аста двинулась вдоль коридора. — Только на половик не наступи, — грубо предупредила она, погрозив пальцем. Ида пошла, как ей велели. Не скрывая любопытства, она вертела головой, рассматривая всё вокруг: тумбочки, мелкие вещички на них, двери, ведущие в другие комнаты. Одну из них женщина отворила. Комнатка оказалась небольшой. Здесь располагались ширма, ванна, за ней высокое металлические нечто, длинная скамейка с какими-то принадлежностями, а также вешалка.

— Раздевайся, — тоном, более похожим на приказ, велела Аста. — Снимай с себя всё. Вода согрелась к приезду мистера Вальтера, но он предпочёл, чтобы ты мылась первой.

Ида замешкалась. «При ней, что ли, раздеваться? Я уже взрослая, помыться могу и сама». Однако решив, что женщина начнёт возмущаться, Ида сделала, как она говорит. Осторожно сняв пальто, — так, чтобы не выпали награбленные вещи, — девочка положила его на скамейку, затем сняла худое одеяние и съёжилась в непривычной обстановке. Аста окинула её взглядом и невольно ахнула.

— Грешное дитя… ужас какой, ужас…

Тело Иды было тощим, бледным, с выпирающими костями таза, рёбер и колен. Его покрывали синяки, ссадины, шрамы разных размеров. Изломанные ногти пугали чёрными дугами. Довершением ужасной картины служили опухший нос и торчащие грязные волосы. Женщина зажала рот ладонью, испытывая не то отвращение, не то сочувствие. Ида обхватила себя руками, прикрывая ещё детскую, не выросшую грудь. Повернув какой-то рычаг, Аста заткнула ванну пробкой и стала ожидать, пока та наполнится.

— Сейчас схожу за полотенцем и одеждой, а ты сиди здесь, поняла?

Ида кивнула и опустилась на лавку. Аста поджала губы и вышла из комнатки, оставив девочку одну. Та прикрыла глаза, вслушиваясь в звук вытекающей воды. По спине пробежал озноб. «Вот я и в лучшем мире. Скоро буду выглядеть так же, как и люди из поезда. Буду жить так же, как и они. Интересно… а как они живут? Может, однажды я тоже буду ездить на большой паровой машине в красивой одежде, и смотреть на всех свысока?»

Вскоре женщина вернулась с полотенцем и платьем в руках. Ванна к тому времени уже достаточно наполнилась. Она перекрыла рычаг и взглянула на девочку.

— Давай, полезай.

Ида поднялась с лавочки, взялась за край ванны, осторожно опуская в неё ногу, но едва коснувшись воды, тут же отдёрнула её.

— В чём дело? — удивилась Аста.

— Горячо.

— Твою грязь иным и не отмыть. Давай, полезай. Не заставляй ждать, у меня ещё много работы.

Ида вспомнила отшиб. Там они мылись лишь грязной водой из Лан, которая бывала либо холодной, либо тёплой в жаркие летние дни. Но вот в горячей воде девочке мыться никогда не доводилось. Это было невиданной роскошью. Сморщив лицо от непривычки и довольно неприятного обжигающего чувства, Ида аккуратно залезла в ванну.

— Смелее, окунайся. — В руках Асты появилась мочалка. Едва девочка села, пытаясь привыкнуть к неожиданной смене температуры, как женщина начала грубо натирать ей спину, шею, руки, грудь. Ида чувствовала, как мочалка нещадно проходится по коже. — Ой, грязнуля… — Ида стала улавливать ещё один незнакомый запах. Аста ополоснула её, затем намочила волосы, тоже намылила и стала тереть в руках. Ида зажмурилась, почувствовав лёгкую боль. Руки женщины были грубыми, а движения резкими.

Закончив с помывкой, Ида насухо вытерлась, затем надела на себя чёрное платье, что во много раз превышало её собственный размер и висело хуже мешка.

— Негодно, совсем негодно. — Женщина недовольно покачала головой, беря в охапку лохмотья с лавочки. — Это можно и в топку кинуть.

— Нет, это мое! — Ида вцепилась руками в ценный плащ, с которым была ещё не готова расстаться.

— Это тебе больше не понадобится.

— Отдайте! Это уже мне решать. — Ида рывком потянула на себя плащ. Железный браслет тётки вывалился из кармана, со звоном упал на пол прямо под ноги Асты. Та опустила голову, рассматривая вещицу.

— Что за железка?

Ида наклонилась, поднимая украденный трофей, и крепко прижала к себе плащ.

— Глупое дитя… опять ведь запачкаешься.

Девочка с недоверием смотрела на Асту. Мокрые пряди волос прилипали к лицу. Она выглядела как палка в мешке, так что женщине стало не по себе. Ида промолчала. Не знала, как вести себя в сложившейся ситуации. Сейчас к ней приходило осознание, что не всё в этом лучшем мире может быть просто и легко. «Это не страшно, — мысленно успокоила она себя, — прекрасная жизнь вот-вот настанет».

Глава 9
Сын

Ида уселась на высокий деревянный стул в бордовой обивке и чуть поёрзала на нём, проверяя, не провалится ли в непривычную мягкость. Каждый раз бросая взгляд на роскошную мебель, она чувствовала себя чужеродно, будто проникла в место, куда таким, как она, доступ закрыт. Она была воровкой и несостоявшейся убийцей, совсем не такой, как люди, родившиеся в этом мире, а потому боялась, что её тёмное прошлое каким-то образом просочится сюда, выдаст в ней замарашку отшиба. Она старалась не думать о том, что произошло, подозревая, что люди в этом месте могут обладать необычными способностями. Вдруг Вальтер прочтёт её мысли, поймёт, что она лгунья и выбросит вон?

Вальтер, уже успевший переодеться, расположился напротив. Девочка пробежалась взглядом по белоснежной скатерти и до блеска начищенным столовым приборам. Она никогда не видела такой красивой посуды. Сбоку стоял ещё один стул. «Наверное, для его жены», — подумала Ида, повернув голову к дверям. Она ждала, когда же женщина принесёт похлёбку, хлеб, или что там едят в этом мире. Тишину нарушало тиканье часов.

— Тебе здесь нравится?

Ида перевела взгляд на мужчину.

— Да. Здесь… всё по-другому…

Вальтер кивнул.

— Да, поговорим об этом подробнее позже. Тебе предстоит ко многому привыкнуть.

Послышался дверной скрип. Ида вздрогнула. «Ну наконец-то несут еду», — подумала она, однако уже в следующее мгновение разочаровалась. На пороге появился мальчик, темноволосый, щупленький, немногим выше её. Его лицо было слегка вытянутым, каким-то совершенно безрадостным. Тонкие губы плотно сжимались в линию, глаза напоминали стекло. Он посмотрел сначала на Иду, слегка повёл бровями в знак удивления, затем прошёл вперёд и обратился к мужчине:

— С приездом, отец.

Ида наблюдала за тем, как мальчик механически садится и подвигается ближе к столу. Практически сразу внимание захватила одна странность: на правой кисти руки вместо указательного и среднего пальца у мальчишки торчали металлические, какие-то тёмные, тонкие, сгибающиеся в некоторых местах трубки. Девочка прищурилась, пытаясь понять, что же это такое и куда делись обыкновенные пальцы. Она даже сжала свои кулачки, удостоверившись, что всё в порядке. Мальчик на неё не смотрел. Он изучал взглядом мужчину, что едва заметно улыбнулся и приветственно кивнул.

— Как твои дела, Уильям?

— Не хуже прежнего.

— Я сражён твоими плохими манерами. Делаешь вид, что не замечаешь нашу гостью?

— Я разве должен замечать твоих гостей? — Мальчишка иронично усмехнулся. — Удивлён, что ты разрешил мне покинуть комнату, когда кто-то присутствует в доме.

Ида внимательно слушала диалог, переводя взгляд с одного лица на другое.

— Она не просто наш гость, — отозвался мужчина, — Ида теперь будет здесь жить.

На лице мальчишки отобразилось ничем не прикрытое удивление. Его как будто перекосило.

— Я не ослышался? Жить здесь?

— Всё верно.

— Да кто она такая? Твоя новая дочь? Берешь несчастных из приюта, пытаясь сделать вид, что действительно достоин зваться отцом?

Мальчишка вскочил. Девочка поймала на себе его взгляд. Он показался ей странным: каким-то пристальным и пустым одновременно. По спине пробежал холодок.

— Сядь, — сказал мужчина тоном, не терпящим возражений, затем обратился к Иде. — Извиняюсь за манеры моего сына. Его зовут…

— …Уильям Грэх-Лаур, — представился юноша прежде, чем отец успел назвать его имя. — Всего лишь единственный сын, и нет… не друг и не родственник тебе.

— Кхм… — Вальтер нахмурил брови. Ида же, услышав слова мальчишки, лишь неприязненно улыбнулась.

— Ида. Взаимно.

Дверь снова скрипнула. На этот раз вошла женщина с большим подносом в руке, а вслед за ней появилось металлические нечто, от вида которого Иде стало не по себе. Оно было ростом с человека, можно сказать, создано по его образцу: имело ноги, руки, голову, даже лицо со ртом, носом и глазами. Правда, всё было сделано из железа, и соединялось винтиками да трубками. Нелепо передвигалось, скрипя конечностями, чуть пошатывалось, тоже держа в руках блюдо.

— Иди сюда, иди. Ставь, не урони. — Обратилась к нему женщина в своей привычной манере. Вскоре на столе стали появляться разнообразные кушанья, а Ида, рассматривая их, узнала лишь рыбу и хлеб. И то… здешняя рыба очень отличалась. На отшибе её если и ловили в Лан, то потом тщательно солили перед употреблением. Здесь же она лежала поджаренными кусками, залитая белым сметанным соусом. И пар от неё вился лёгонький, оповещавший, что блюдо только достали из печи. Женщина и металлическое нечто ещё несколько раз выходили из комнаты и возвращались с новыми тарелками. Ида замерла, не зная, чему удивляться сильнее.

— Благодарю. — Вальтер придвинулся ближе, когда последнее блюдо было поставлено на стол.

— Приятного аппетита. — Женщина кивнула. Мужчина и его сын взялись за вилки. Ида же продолжала рассматривать двигающуюся железяку. Пугающий у неё был вид: квадратная челюсть, обнажённые металлические зубы, выпуклые безжизненные глаза. Заметив интерес девочки, Вальтер одобрительно кивнул.

— Любопытно? — поинтересовался он. — Пугает?

Ида предпочла соврать.

— Я собрал его сам. Проект E148, ну а имя ему Энлиль, в честь великого мастера кукол нашего времени. Всегда восхищался его работами, но они мне не по карману. Удовольствие для богатых. Придерживаюсь принципа: не можешь купить, сделай сам. После множества неудачных попыток удалось-таки создать этот механизм. По большому счёту он бесполезен, но сгодится, когда нужно что-то подержать или отнести. Аста к нему обращается, но вообще-то Энлиль не распознаёт голоса… машины не умеют думать или чувствовать. Вы можете идти, Аста.

Женщина кивнула и, бросив презрительный взгляд на девочку, поспешила удалиться. Механизм исчез вслед за ней. Теперь Ида могла в полной мере переключить внимание на богатство стола. Желудок болезненно взвыл.

— Ешь, что пожелаешь. Как и я обещал…

Девочка заметила, что Уильям с аппетитом уплетает всё, до чего можно дотянуться. Он будто мысленно отгородился от присутствующих и решил, что чем быстрее поест, тем быстрее отсюда уйдёт. По его худобе было трудно сказать, что мальчишка прожорлив. Ида медлила. В голову забрела мысль: «А что, если всё это не настоящее? Может, я умерла на нашей станции или в канаве с отходами? Или уснула, а мне всё это привиделось? И стоит мне коснуться чего-нибудь, как оно испарится из пальцев…»

Очередной позыв желудка заставил девочку всё же поверить в реальность. Она протянула руку и схватила масленую, посыпанную укропом картофелину. Та оказалась горячей. Ида поморщилась, выронив её, посмотрела на ладонь, затем вновь взяла картофелину и быстро кинула её себе в тарелку. На белой скатерти остался жирный след. Уильям замер с вилкой в руках, наблюдая за этой дикостью. Даже Вальтера увлёк процесс. Не замечая взглядов, Ида потянулась к следующему блюду.

Рукой схватила горячий кусок рыбы. Когда он плюхнулся рядом с картофелиной, она подула на пальцы. Дотянулась до хлеба, до тушёных ребрышек, редиса в сметане и свежих огурцов. После того, как перетянула к себе в тарелку всё, что могла, Ида принялась за трапезу. Непривыкшая к горячей еде, она откусывала картошку, раскрывала рот, обжигая язык и издавала странные, получавкающие звуки. Крошки хлеба сыпались на колени. Масло стекало по подбородку. Она, никогда не пробовавшая столь вкусных кушаний, с жадностью поглощала всё. Чувствовала манящий запах, спектр вкуса, переливающийся во рту. Боялась, что всё закончится, и если не успеть, остатки отнимут. Её переполняли восторг и смятение. Так бывает, когда всю жизнь ты питаешься отходами, а потом вдруг узнаёшь, что есть другая, настоящая еда. И словно бы ты ранее никогда не ел.

«Действительно лучший мир. Как же хорошо, что я согласилась на условие. Как славно, что этот мужчина поверил мне». Ида подняла глаза, только сейчас заметив на себе изучающие взгляды. Уильям положил вилку, затем отодвинул от себя тарелку и с видом, полным отвращения, поднялся на ноги.

— Кажется, я не голоден.

— Сядь обратно и поешь, — обратился к нему Вальтер.

— Не могу. Меня тошнит от свинства. Попробуй сам развлечь своих гостей. — С этими словами мальчик направился к двери. Дожёвывая кусочек рыбы, Ида проводила его взглядом. Как только тот скрылся, Вальтер тяжко вздохнул, пододвинув к себе блюдо с картошкой.

— Как тебе еда? — поинтересовался он у девочки.

— Это фамое фкуфное из тофо, что мне дофодифось пробофать, — пробурчала она с набитым ртом.

— Я рад, что тебе нравится. Но Ида… у тебя есть вилка.

— М? — На лице девочки отразилось непонимание. Мужчина продемонстрировал ей столовые приборы.

— Вилка, нож, а вот десертная ложка. Этим едят, чтобы не запачкаться, не обжечься и соблюдать этикет. Здесь так положено. Ты теперь в новом месте, тебе предстоит столкнуться с обществом и принять его законы. Понимаешь? Руками есть нельзя.

Девочка задумалась, затем кивнула и облизала жирные пальцы. В конце концов, сильно ли эти законы отличались от прежних? Подумаешь, вилка… даже к такому можно привыкнуть, чтобы хорошо есть. Вальтера покоробило, но он не подал виду.

— Славно. Тогда впредь будь воспитанной. Приятного аппетита.

***

После обеда мужчина провёл её в небольшой кабинет. Окна занавешивали плотные шторы, из-за чего большую часть пространства обволакивал сумрак. Здесь пахло спиртом, воском и чем-то горьковато-специфическим. Ида осмотрелась и увидела тёмный письменный стол с кипой бумаг, широкое кресло, обтянутое зелёным бархатом, пару стульев в дальнем углу, небольшую тахту у стены, шкаф с прозрачными дверцами, за которым виднелись склянки разных размеров, трубки и металлические предметы. Стены украшали мрачные полосатые обои, и в отличие от коридора здесь не было ни одной картины.

— Присаживайся, — обратился к ней Вальтер, указав на стул. Ида села, и мужчина велел повернуться к свету — единственному окну, которое располагалось за письменным столом. Затем подошёл ближе.

— Как ты себя чувствуешь?

— Хорошо.

Мужчина коснулся опухшего носа. Девочка вздрогнула.

— Болит?

— Да.

Вальтер стал ощупывать его гладкими тёплыми пальцами. Ида зажмурилась от дискомфорта, о котором на время уже успела забыть.

— Перелома нет, но лёгкое смещение. Это поправимо. Тебе придётся снять платье. Не бойся, мой интерес лишь докторский.

Девочку не особо заботил какой-то интерес. Она слезла со стула, затем стала выпутываться из огромного чёрного платья, что волочилось за ней по полу. Освободившись от него, как от тяжёлого мешка, она предстала перед мужчиной в своей худобе. Он тут же приметил все синяки, царапины, шрамы и неодобрительно покачал головой.

— Ты чувствуешь какую-нибудь острую боль? В районе рёбер? Колен?

— Нет.

— Значит, переломов быть не должно. — Вальтер направился к шкафу, отворил скрипучую дверцу и стал в задумчивости изучать содержимое. Затем протянув руку, он взял коричневый тюбик и поднёс его к Иде.

— Это должно способствовать заживлению. Растирай больные места, хорошо? Если что-то будет остро беспокоить, обратись.

Девочка взяла в руки тюбик и с интересом покрутила его. Мужчина приподнял её голову.

— Сейчас будет больно, но потерпи. — С этими словами он взялся за её нос и дёрнул слегка в сторону. Ида вскрикнула от пронзительной боли и отшатнулась, выронив тюбик из рук.

— Спокойнее. Скоро заживёт. Уверен, ты получала увечья и более страшные. Одевайся и присаживайся. Мы ещё не закончили.

Зажав нос ладонью, Ида недоверчиво пронаблюдала за тем, как мужчина прошёл за стол и уселся в кресло. Он закинул ногу на ногу, дотянулся до записного блокнота и раскрыл. Девочка подняла чёрное платье с пола, вновь облачилась в него, с неприязнью представляя, как женщина в чепце носила вещь прежде, как едкий пот её въедался в ткань. Подняв тюбик, она присела на стул. Мужчина достал из кармана трубку и уже в следующее мгновение закурил.

— Итак, Ида, получила ли ты то, чего желала? Каким ты видела этот мир до приезда?

Девочка задумалась.

— Большим и светлым. Я представляла, что здесь живёт много людей, таких же как в поезде. Представляла… что здесь никто не голодает, все едят хлеба вдоволь, могут менять вещи когда захотят, живут где захотят. Но здесь даже лучше, чем в моём воображении. Еды больше, и вкус её не напоминает ничего прежнего. Новые запахи и словно бы… новые цвета.

— Что ты чувствуешь?

— Удивление, радость. Это… сродни счастью. Если бы мне вновь предложили условие от всего отказаться, я бы не стала задумываться и сделала всё, что от меня зависит.

Мужчина выпустил облачко дыма и сделал запись в блокноте.

— Убийство брата того стоило?

Ида нахмурилась. Вопрос показался ей колким и крайне неприятным. «Я не убила его, нет… не смогла. Но ты об этом не узнаешь».

— Да, — ответила она, как можно строже. — Мы ведь жертвуем чем-то, чтобы приобрести новое.

— Главное самому не пасть жертвой собственных ожиданий. — Высказался Вальтер и выдержал паузу, давая Иде возможность обдумать его слова, но, заметив настороженность в её взгляде, постарался разрядить обстановку. — Хорошо. Что ты планируешь делать теперь?

На лице девочки отразилась растерянность. Она забегала глазами по комнате в поисках ответа, но на ум ничего не приходило. «Действительно, что я теперь буду делать?»

— Не знаю.

— Ты не подумала об этом, когда соглашалась на условие?

— Нет.

— Почему?

— Я… мне просто хотелось есть. Я завидовала тем, кто выходил из поезда, ведь они были сыты и красивы. Мне надоело подбегать и просить кусок хлеба, зная, что даже за это придётся терпеть побои и унижения. Я знала, что тётка всё равно отдаст лишь крошки, если я принесу его домой, а делиться с ней не хотелось. Только из-за Густава…

Мужчина сделал очередную затяжку.

— Ты не подумала о том, чтобы спастись вместе с братом?

Вальтеру показалось, что Ида впала в ступор. Глаза её сначала расширились, затем поблекли. Пальцы нервно затеребили ткань платья.

— Я не знала, что можно… ведь условие… Условие было избавиться, разве нет?

Мужчина сделал запись, затем снисходительно улыбнулся.

— Ты права, конечно. Оставим этот разговор. Чего бы тебе сейчас хотелось?

— Не знаю. Осмотреться. Я ведь ещё не увидела всего, да?

— Конечно. Времени на изучение окружающей среды у тебя будет в достатке. Я провожу тебя в твою комнату.

— Мою комнату? — удивилась Ида.

— Разумеется. У всех должна быть своя комната. Сможешь отдохнуть, однако скоро придёт портной и снимет мерки для пошива. Будь готова спуститься. Аста сказала, что ты пожелала оставить пальто? Поверь, оно тебе больше не понадобится.

— Ну да, — согласилась Ида, — может, позже я его отдам.

Глава 10
Несправедливость

Очутившись одна, девочка прислушалась к собственному дыханию. Как же колотится сердце. Что это был за вопрос? Спастись с Густавом? Могла ли она убедить Вальтера взять брата с собой? Почему в голову не пришла подобная идея? Иду охватило странное ощущение, одновременно похожее на стыд и ужас. Тогда, на отшибе, ей казалось, что спастись может только один из них, и что именно у неё это получится. Теперь, допустив мысль о том, что Густав мог быть рядом с ней, Ида сникла. Она не хотела представлять это, ведь тогда чувствовала себя до ужаса грязной, и эту грязь было ничем не отмыть, разве что снять и выбросить кожу, чтобы вычистить нутро. Наверное, Вальтер просто испытывал её… пытался проверить, правда ли она избавилась от всех привязанностей. Ида знала, что должна быть осторожна с ним… он мог раскрыть её, заморочив голову, а после всех минувших страданий Ида не могла этого допустить.

Через пару часов пришёл портной. Девочке пришлось спуститься, чтобы его помощница смогла снять мерки с худощавого тельца. Пока Ида стояла голой, она наблюдала за ужасом, что искажал лицо незнакомой девушки. Вероятно, ей ещё не доводилось видеть столько синяков и шрамов на одном ребёнке, а спрашивать, откуда всё это, она не решалась. Суетилась с верёвкой в руках, прикладывая её то к спине, то груди, то к ногам. Что-то тихо высчитывала и делала записи на клочке бумаги. Когда девушка закончила, Ида оделась. Вальтер обсудил с портным заказ и его цену. Они о чём-то поспорили, затем пришли к соглашению. Девочку отправили в комнату.

Где она находится, Ида уже знала. Без труда преодолела высокие ступеньки, придерживаясь за перила, прошла узенький коридорчик, свернула направо, и остановилась в небольшом проёме, где друг напротив друга располагались две деревянные двери, выкрашенные в белый цвет. Одна вела в её новую обитель, а вторая…

Иду пробрал интерес. Куда же вела вторая дверь? Спрашивать этого у Вальтера она не стала. В тот момент её больше интересовала собственная комната, ведь прежде Ида никогда её не имела. Теперь же ей хотелось знать больше. Что можно хранить в доме, где так много комнат и так мало людей? Девочка приблизилась к двери и прислушалась. Тишина. «Может, там никого нет? Никто не узнает, что я заходила». Она осторожно взялась за ручку и потянула. Дверь осталась недвижной. Тогда девочка толкнула её, но и теперь ничего не изменилось. Ида разочарованно нахмурилась. «Заперто». Она постояла у порога несколько мгновений, будто ожидала чуда, затем сдалась и юркнула в собственную комнату, решив понаблюдать и попытать удачу в следующий раз. Она ведь никуда не спешила.

Комнатка её оказалась маленькой. Пахло здесь древесиной, и слегка отдавало сладостью. Интерьер представлял собой скромную картину: аккуратно заправленная кровать у правой стены, строгий деревянный шкаф бледного оттенка, по левую сторону прямоугольный письменный столик и табуретка. Напротив двери располагалось окно с узким подоконником. Его скрывала белая кружевная занавеска с узором, похожим на переплетённый плющ. Стены жёлтые, лишённые пятен и отпечатков чьей-нибудь боли. Они казались незаполненным пространством новой жизни. На полу расстелен небольшой коричневый половичок. По оценке Иды: самое удобное и прекрасное место, а главное — оно принадлежало только ей.

Девочка прошла вперёд, взяла с табуретки свой старый грязный плащ. Сейчас только он и ломота в некоторых участках тела напоминали о прежней жизни. Ида вывернула карманы: достала складной нож, тёткин браслет, украденную в поезде шляпку и смятый листок, вырванный из книги — всё богатство, которое удалось приобрести. Теперь плащ потерял всякую зна-

чимость, и девочка бросила его на пол. Предметы она сложила на столик и стала думать, как бы их применить. Браслет был ей велик, и всё время падал с запястья. Нож ещё мог пригодиться, поэтому Ида спрятала его поближе. Шляпку она тут же нацепила на себя. В груди затрепетало чувство восторга. «Теперь я выгляжу так же, как и дамы из поезда», — подумала она, пытаясь пройтись вдоль комнаты ровно и грациозно. Мешковатое платье волочилось у ног. Ида всё время поправляла его, чтобы не споткнуться, в итоге о грации можно было забыть. Синяки под глазами и опухший нос тоже не придавали солидного вида, правда, девочка об этом не знала, и верила в то, что в шляпке она неузнаваема и красива. Наконец Ида взяла в руки вырванный смятый листок и пробежалась глазами по строчкам. «Что же здесь написано?» Она вспомнила название книги и попыталась представить себе её героев, однако воображение рисовало мрачные картины с чудовищами, напоминающие закоулки прежнего места жительства.

Она не знала как читать и не понимала, как из чёрных символов образуется герой. Устав бродить, Ида запрыгнула на мягкую кровать и улеглась на спину, прижав листочек к груди. Взглядом девочка изучала серый потолок, ассоциируя его с небом и мутной водой реки Лан. Она прикрыла глаза и не заметила, как сознание поглотил сон. Ей приснилась холодная грязная вода.

***

— Ах ты, свинья! — Сильный удар тётки свалил Густава на пол, и тот больно ударился бедром. По телу прокатила волна ужаса. Мальчик захотел отползти, но тень нависшей над ним тётки парализовала мышцы. — Думал, я тебя не найду?! Решил присесть на чужую шею?! Последний кусок хлеба из глотки вырвать?!

Растерянный мальчуган сжался от страха и рефлекторно прикрыл голову рукой. Женщина кричала столь громко и яростно, что Густав и не надеялся выбраться целёхоньким.

— Свинья! — продолжала восклицать она, схватила мальчишку за шиворот и силой выволокла за порог дома.

— Стойте, не надо! — Другой мальчик едва успел сделать шаг в сторону друга, в попытке остановить расправу, но мать придержала его рукой.

— Не лезь.

— Это ты ей сказала? Ты выдала его? — В глазах подростка мелькнули злоба и обида. Сжав пальцы на плече сына, женщина опустила взгляд.

— Извини. Мы больше не можем кормить твоего друга. Знаешь ведь…

— Да ты… — Мальчишка попытался вырваться, но мать его не отпустила. Густав тем временем уже скатился с лестницы на землю, а высокая темноволосая женщина, морщинистое лицо которой искажала гримаса ярости и неизмеримого презрения, выбежала вслед за ним. При каждом новом шаге вздрагивали её большие, обвисшие с годами груди. Ноздри то и дело раздувались, будто женщина пыталась вобрать в себя побольше воздуха, чтобы громче бранить мальчишку.

— Проклятая крыса! Подохнешь, как и твой папаша! Спрятаться он удумал, ишь!

Густав почувствовал земляной привкус на губах и попытался приподняться.

— Где твоя мерзкая сестрица?! Отвечай! Где эта тварь?! — Женщина снова схватила его и начала яростно трясти. Перед глазами всё закружилось. — Ты меня не слышишь?! Отвечай сейчас же! Где эта вертихвостка, в какой канаве? Тоже присела к кому-нибудь? Да?!

— Я не знаю! — Густав зажмурился, чтобы не видеть отвратительное лицо тётки и не чувствовать зловонного дыхания. Над её верхней губой выпирали две бородавки, из которых в разные стороны торчали чёрные волосы, при ближнем рассмотрении напоминавшие ядовитые игры. Свирепый взгляд, готовых вот-вот выпасть глаз, источал ненависть. Пальцы крепко впились в одежду. Тётка продолжала трясти.

— Врёшь, поганец! Покрываешь её! Может, она уже сдохла?! А? Отвечай!

— Не знаю! — снова закричал мальчишка. Он прикрылся руками, чувствовал, что женщина ударит его вновь, но не мог дать никакой полезной информации, ведь понятия не имел, где находится Ида. С того самого дня, как сестра попыталась утопить его, он подумал, что она в заговоре с тёткой, потому не вернулся домой и разузнать ничего не пытался. А теперь, выходит, они исчезли вдвоём, и женщина извелась в поисках. Его, гадкого, конечно же, выдали соседи. Густав предполагал, что рано или поздно это случится. А вот про Иду никто ничего не слышал.

Женщина перестала трясти мальчишку, ударила его в плечо, и тот вновь растянулся на земле.

— Ну свинья, настоящая свинья! А ну, живо поднимайся на ноги! Да ты у меня теперь попляшешь! Я тебя неделю кормить не буду, понял?! Понял, поганец?!

Из глаз мальчишки прыснули горькие слёзы обиды. Он ведь ни в чём не провинился. Совсем не виноват в том, что его попытались убить. Не виноват в том, что не знал, как поступить, и как объяснить всё это тётке, он тоже не представлял.

— Мало тебя пороли! Дурь не выбили! — Тётка пригрозила кулаком. — А твою сестрицу я даже на порог не пущу! Ноги оторву проклятой потаскухе! — Женщина сплюнула в сторону. Густав стал осторожно подниматься.

— Живее вставай! Позоришь меня перед людьми, гадкий! Побираешься по дворам, словно дома у тебя крошку последнюю отнимают! Решил, что у чужих пристроиться хорошо, только вот кому ты, свинья, сдался?!

В дверном проеме появились худая светловолосая женщина вместе с сыном. Они с сочувствием смотрели на Густава, как и некоторые соседи, которые, услышав шум, отвлеклись от своих занятий и стали высовывать любопытные носы. Мальчишка чувствовал себя униженным. Он не понимал, что именно сделал не так. Хоть и привык к гневу тётки, сейчас она выглядела куда злее обычного. Грубо схватила его за руку и повела со двора, пыхтя носом и поливая гадостями. Утирая сопли тыльной стороной ладони, мальчишка подумал о сестре. «Где она скрывается всё это время? И может, действительно, уже мертва в какой-нибудь канаве? К лучшему ли это?»

— Проклятые поганцы! Свалились на мои терзания!

Тётка шла быстро, шелестя подолом изношенного платья, и Густав за нею едва поспевал. Она бранила его на глазах у всех, а мальчику всё сильнее хотелось провалиться под землю, перестать существовать или стать тенью, на которую никто не обратит внимания. Он ни в чём не был виноват, но его наказывали, заставляли терпеть унижение. Тётка не прекращала сквернословить. «Лучше бы я тогда утонул», — подумалось ему. В груди вспыхнула ненависть к сестре. За что она так обошлась с ним? За что попыталась убить, обрекла на жизнь в страхе, а теперь и жуткое наказание в виде голода? Густав мало смыслил в справедливости, и всё же полагал, что не заслуживает всех этих несчастий. Он никогда не пытался быть гадким мальчиком, не давал поводов себя не любить, но в конечном итоге оказался ненавидим всеми членами семьи. Спотыкаясь он плёлся за теткой, которая до боли сжимала его тонкую руку, и тихо всхлипывал, боясь разрыдаться на глазах у всех и выглядеть ещё более жалким.

Глава 11
Невыносимый выбор

— Как вы себя чувствуете? — Вальтер поставил на столик кожаный чемоданчик и перевел взгляд на Лисбет. Девушка скромно улыбалась, расположившись на тахте. Светлые волосы её были заколоты, и только одна волнистая прядь свободно спадала спереди. Худые руки, сложенные в замок, она смиренно держала на коленях. Была примером невозмутимости, но Вальтер привык к тому, что женщины склонны не показывать истинных чувств.

— Гораздо лучше. Господин Леннарт зря озаботил вас. Нет причин для беспокойства.

— Боюсь, они всегда возникают. — Вальтер окинул взглядом светлую комнату. Давненько он не бывал в доме графа Горцкого. Это место всегда оставляло в его душе осадок: отдавало домашним уютом, столь недоступным для некоторых людей. — Мистер Леннарт настоятельно просил меня к вам заглянуть.

— Да, мой дядя…

— Он уверял, что нездоровится вам.

Лисбет слегка потупила взгляд. Вальтер заметил, как дрогнули её плотно сжатые губы. Она выдержала паузу, точно подбирала вежливую фразу.

— Боюсь, лишь потрачу ваше время. Давно вы приехали?

— Вчера. — Вальтер открыл чемоданчик, который был доверху набит медицинскими принадлежностями. Специфический запах ударил Лисбет в нос, и она понадеялась, что сможет повернуть разговор в другое русло.

— Куда вы ездите каждый месяц? В Юму? Мне всегда было интересно, но вы так скрытны. Йозеф ведёт себя так, будто всё знает, но не делится. Кажется, мужчины не очень доверяют женщинам. И когда мы начнём борьбу с предрассудками?

— Это никак не относится к вам, поверьте. И тайны в том великой нет. Я езжу в разные места. Приятные глазу и не очень. Я пристрастился…

— К чему?

— К наблюдениям. Чтобы понимать устройство мира или людей, нужно изучать. Недавно мне пришла в голову мысль: написать книгу.

— О чём? О медицине?

— Своеобразной.

— И что это значит? Каков предмет вашего интереса? — Лисбет слегка подалась вперёд, выпячивая вспыхнувшее любопытство, так что Вальтер бросил на неё неуверенный взгляд.

— Психология. Её как науку сильно недооценивают, а между тем поведение отдельной личности может помочь предугадать развитие целого государства.

— Звучит сомнительно. Хотите сказать, если изучите как личность, к примеру, меня, то предскажете будущее нашей страны?

— Не так прямолинейно. Но я смогу сформировать представления о ваших страхах, потребностях, социальных связях, а потом перенести их на конкретный социальный класс. Это поможет отследить тенденции его развития и поможет ответить на вопрос: в чём нуждаются определённые люди? А ведь именно из людей и состоит государство. Если мы понимаем, как они устроены и чего хотят, мы понимаем, что должны дать им, чтобы избежать войн, бунтов и революций.

— Но ведь история полнится ими. Если всё так прозаично, почему об этом не догадались раньше?

— Потому что кровопролитие всегда кому-то выгодно. Дорогая Лисбет, чтобы возвести империю, нужно обратить в пепел то, что строилось до неё. Чтобы возвести республику,

нужно отрубить голову империи. Вопрос в том, почему мы так жаждем жертв. Хотим потешить самолюбие, доказать право сильного, наподобие вожаков из стай, или нами движет принцип естественного отбора? Мне хочется верить, что человечество видит и другой путь, но почему выбирает кровавый? Наша моральная система полна дыр, которые нечем заполнить, и потому мы заполняем её горем других, двойными стандартами, несправедливостью и прочими продуктами нашего вида.

Лисбет скрестила руки в замок и слегка отодвинулась.

— Думаю, с людьми всегда сложно… И разгадать их до конца не получится ни у одной науки. Однако желаю удачи вам в вашем труде… с удовольствием ознакомлюсь с законченной версией. У вас тяжёлая работа. Найдёте на это время?

— Время всегда можно найти, если захотеть. Кстати, о книгах. Я прочитал то, что вы мне рекомендовали. — Вальтер достал из бокового отделения чемоданчика серую книгу, надпись на которой гласила: «Дух забвения». — Потрясающий герой. Я всерьёз задумался о смысле свободы, о ней как чём-то абсолютном. К несчастью, обнаружил, что здесь недостаёт одной страницы. Боюсь поинтересоваться, как так вышло. Вы же не пытались что-то скрыть?

— Неужели? — удивилась Лисбет, заметив лукавую улыбку. — Я отдавала вам совершенно целую книгу.

— Не думаете же вы, что мне вздумалось вырывать из неё листок, ещё и так небрежно? Ради какой цели, спросите?

— Решительно не понимаю. — Лисбет взяла книгу в руки и внимательно пролистала. — Может, она выпала? Я ведь точно ничего не вырывала.

— Что же… не огорчайтесь. Не так велика потеря. Давайте вернёмся к серьёзным проблемам. Что вас беспокоит?

Лисбет отложила книгу и напряглась.

— Ничего, я…

— Я заметил вашу хромоту. Вы и ранее передвигались немного нелепо, не в обиду сказано, но сейчас очевидно, что вы испытываете боль. Разрешите взглянуть?

— В этом нет нужды. — Девушка почувствовала, как её бросило в жар. «Вот и я попалась. Что же делать?» Она крепко сжала вспотевшие ладошки. — На днях у меня кружилась голова. Наверное, это на погоду. Она нынче ветреная. А больше меня ничего не беспокоит. Кажется, дядя жаловался на боль в пояснице…

— Сейчас речь не о вашем дяде, я зайду к нему позже. И не пытайтесь обмануть меня. Ваша категоричность заставляет насторожиться. Вы что-то скрываете? Быть может, на ваших худеньких икрах написаны ответы на самые неразрешимые вопросы этого мира? Ваше лицо, как минимум, искажает тревога. А может, это страх?

— Не будьте жестоким, Вальтер. Ничего подобного.

— Взгляните на меня и признайтесь, что всё не так уж гладко.

Лисбет подняла глаза. Сердце забилось быстрее, дыхание участилось. Она чувствовала, что вспотела, но ничего не могла поделать. Слепой ужас затуманивал голову, подступал к глотке, готовился вылиться из глаз. Вальтер видел это. Его внимательный и пронзительный взгляд будто разбирал на части. Внутри всё сжалось, и даже голова пошла кругом. «Провалиться бы сейчас под землю, перестать существовать».

— Вы правы, — наконец согласилась она. — Признаю, что не здорова. Довольны?

— Что именно вас беспокоит? Можете быть со мной откровенны, Лисбет, я желаю лишь лучшего.

— Боюсь, ваши желания мне не помогут. — Девушка приподняла подол платья, демонстрируя больную ногу. Распухшее колено было жуткого багрово-синего оттенка. Отёк от него распространялся и вниз, и вверх. Мерзкая рана гноилась. Лисбет поморщилась. Она старалась

не шевелиться, но боль всё равно донимала. Лицо Вальтера стало серьёзным. В глазах мелькнули смятение, удивление и ужас. Он наклонился и осторожно коснулся опухоли рукой.

— Ай! — Лисбет вздрогнула и тут же устыдилась своей несдержанности. — Простите.

— Милочка, когда вы собирались обратиться за помощью?

— Я не собиралась.

— Но это же безумие. — Вальтер отстранился и присел в кресло напротив. — Я не понимаю… что вас останавливало?

— Вы сочтёте меня последней дурой, но я… — Лисбет сжала платье в кулачках и сделала глубокий вдох, — я не хотела, чтобы кто-то знал. Сначала я не придала этому значения, думала, что всё пройдёт, а когда сделалось хуже, я испугалась, что меня прикуют к кровати. Я ужасно этого не хочу. Не хочу, чтобы за мной носились как за младенцем или беспомощной старухой.

— Вы хоть понимаете, чем это чревато? Эта инфекция… не представляю, где вы подхватили её, но что-то явно дало ей развитие и теперь…

— Это долгая история… Моя неосторожность.

— Ваша глупость, Лисбет. Вы знаете, к чему это приводит?

— Да.

— У меня складывается иное впечатление. Мучительная смерть. Инфекция будет распространяться по телу, поражая его участки и лишая их жизнеспособности, портя вашу кровь. Я удивлён, что вы до сих пор пытаетесь ходить уверенно. Не за горами тот деть, когда вы не сможете подняться с кровати.

— Нет. — Страх начал доводить Лисбет до дрожи. — Я смогу.

— Самоуверенность — это хорошо, но не всегда уместно.

— И что же вы мне предлагаете?

— Вам нужна срочная хирургическая помощь. Обратись вы раньше, мы могли бы что-нибудь придумать, но сейчас… Участок поражения большой. Мы не сможем очистить его, сохранив конечность.

Этих слов Лисбет боялась больше всего на свете. Они, как гром среди ясного неба, поразили её в самое сердце. Тело охватил ужас, который может прийти лишь в крайнюю минуту отчаяния. Перед глазами встала мутная пелена.

— Нет! Не говорите так! Вы не посмеете…

Слезы хлынули по щекам, и Лисбет поспешно стала стирать их, считая, что плакать в чьём-либо присутствии позорно. Боль и страх давили изнутри. Роковые слова эхом отзывались в голове, порождали неприятные картины будущего, где она, никому ненужная, догнивает остатки похожих друг на друга дней.

— Понимаю, как вам тяжело слышать это…

— Нет, вы не понимаете! Вы не способны меня понять! Не вас хотят лишить ноги и обречь на ничтожное существование!

— Но ведь это спасёт вашу жизнь! Подумайте, чем вы хотите пожертвовать! Ради чего?

— Я не хочу быть инвалидкой! Я буду никому не нужна, ничего не смогу, я… стану бесполезным растением… — Рыдания вырвались с отчаянным стоном, и она схватилась за грудь, пытаясь успокоиться.

— Вы не станете растением, Лисбет. Многие люди живут…

— …Это не жизнь! На ней можно будет поставить жирный крест, а я не могу этого принять. Я хочу быть с вами, поехать в Юму, своими глазами увидеть, как люди возрадуются свободе, как поднимут флаг независимости. Этого будет достаточно для того, чтобы я ушла спокойно, со знанием, что наше правое дело не погибло. — Лисбет всхлипнула, выдерживая паузу. — Я не хочу быть обузой… уподобиться бессильному червю… Не хочу, чтобы другие говорили: «Бедняжка, какая ужасная судьба». Я предпочту кинуться в гущу событий и пусть

меня уничтожит машина империализма, я хотя бы умру за то, во что верю, быстро, не мучаясь в кровати день ото дня, не заставляя дядю смотреть на то, что от меня осталось.

Вальтер протянул девушке чистый белый платочек. Она взяла и утёрла им нос.

— Тише, Лисбет… Вы слишком волнуетесь. Может разболеться голова.

— Я не хочу лишаться ноги.

— Послушайте…

— Я наложу на себя руки.

— Лисбет…

Девушка высморкалась, и, чувствуя, что не сможет остановить слезы, опустила голову.

— Не говорите дяде. Никому не говорите об этом. Дайте мне слово. Клянитесь…

— Я лишь хочу помочь, пока не поздно. Вы сможете ходить с протезом и заниматься тем, к чему ляжет душа. Поедете в Юму, если хотите, только не отказывайтесь. Дальше будет хуже, поймите. Боль станет невыносимой, и передвигаться вы уже не сможете. О какой борьбе за идею речь, если вы не сможете встать с кровати? Когда это случится, я буду не в силах помочь.

— Это будет не скоро, время у меня есть. Я не могу дать согласие…

Вальтер нахмурился, не зная, стоит давить или дождаться, пока Лисбет успокоится. Пренеприятная ситуация. Он и не ожидал подобного.

— Прошу, подумайте хорошенько. Я клянусь хранить врачебную тайну, и никому не говорить об этом, но умоляю, не губите свою жизнь. Вы ещё так молоды. Мне невыносимо видеть это.

— Может, иногда лучше умереть молодым…

— Поверьте, когда вы долгие месяцы будете лежать в постели, и каждый вдох будет сродни адской пытке, мнение в корне поменяется. Не думайте, что сможете умереть в бою, быстро и с честью. Если бойня и случится, то не в ближайшем будущем. Вам просто до неё не дожить.

— Пытаетесь сказать, что выхода в любом случае нет?

— Есть.

— То, что вы предлагаете — не выход. Если уж всё так плохо, то будьте другом и раздобудьте для меня револьвер. Когда станет невмоготу, я избавлю себя от мук.

— Я врач, а не убийца.

По лицу доктора скользнула мрачная тень. Вальтер вздохнул. Кажется, напряжение и боль девушки передались какими-то особыми сигналами. Вальтер с жалостью смотрел на то, как она, худенькая и хрупкая, заливается слезами от участи, что уготовала жизнь. Думая о недуге, он совершенно не подозревал, что всё настолько страшно и запущено. «А она ещё и усугубляет ситуацию. Страх мешает ей рассуждать».

— Успокаивайтесь, Лисбет. Если граф Эрленд увидит ваши слёзы, я не оправдаюсь.

Лисбет снова высморкалась, пытаясь подавить всхлипывания. Колено болезненно пульсировало, и девушке казалось, что эта пульсация у неё даже в голове. Вероятно, сказались нервы.

— Простите… мне просто… так плохо.

— Может, вы правы, и я не способен понять вашу боль в полной мере. Я стараюсь рассуждать с позиции профессионала и небезразличного человека. В жизни можно найти выход, а вот из смерти не возвращаются. Мне очень жаль, что так вышло. Вы не должны были молчать. — Вальтер выдержал паузу, собираясь с мыслями, пытаясь найти слова поддержки, которые давались ему с большим трудом. — Всегда уважал вашу стойкость, Лисбет, но будьте осторожны. Сейчас она играет против вас.

Мужчина поднялся из кресла, закрыв чемоданчик.

— Попросить, чтобы принесли чего-нибудь? Может, воды?

— Нет, не стоит. Я хочу побыть одна.

— Хорошо, я вас оставлю. Ещё раз подумайте обо всём. Мы ещё можем обернуть это в вашу пользу.

Вальтер ушёл, а Лисбет поджала губы. Но вот, из груди вырвался новый всхлип. Слёзы так и лились потоком от боли, от страха, от безнадёжности. Как ужасный выбор ей предоставляли! Мучительная смерть или пожизненная инвалидность. «За что мне это? Почему именно я? Что ужасного я сотворила для такой кары? Разве хуже я убийц, воров и предателей? Разве сделала что-то не то?»

Она находилась в смятении, перебирала в памяти дни своей недолгой жизни, пытаясь найти причину всех бед. Боль, смерти, страх преследования… теперь выбор, который ломал волю. Её всё время окружало нечто подавляющее. Сейчас девушке казалось, что она захлёбывается. Словно бы она провалилась под лёд, а тело сковало. Ещё немного и она не сможет выплыть, будет погружаться мёртвым грузом во тьму.

На мгновение Лисбет представила, что она умерла, что тело её в деревянном гробу, который засыпают землёй где-нибудь на окраине кладбища. Представила, будто смотрит из гроба на собравшихся, и понимает: они сейчас пойдут по своим делам и будут жить дальше, а для неё всё закончилось. Соседи теперь лишь черви да вороны. По телу пронеслась дрожь. Сделалось невыносимо. Лисбет поднесла мокрый платок к губам. Она не могла перестать плакать.

Глава 12
В чём кроется счастье

— Ну вот, совсем другое дело. — Аста закончила со шнуровкой корсета, и платье село как влитое. Худощавая Ида взглянула на отражение в вытянутом старинном зеркале и не узнала себя. Чистенькая, опрятная. Чёрные пряди заколоты брошью назад. Новое платье тёмно-синего цвета едва доставало до щиколоток, было простеньким и лёгким. Небольшой вырез декольте украшали рюшки, а на пояске сзади красовался ровненький бант. Ида слегка наклонилась, чтобы лучше себя рассмотреть. Лицо всё ещё отдавало лунной бледностью, но опухоль с носа начала спадать. Глаза, прежде выражавшие неприкрытую дикость, светились от восторга и удивления. Аста отошла от девочки на пару шагов и удовлетворённо кивнула.

— Хорошая работа. Теперь ты хотя бы на человека похожа.

Ида покружилась перед зеркалом, чувствуя, как юбки платья щекочут икры. Ей так нравился новый наряд, что не терпелось выйти на улицу и показаться в нём людям. Худенькие плечики были прикрыты, а обнажённая тонкая шея, напротив, подчеркивала её рост и статность. До элегантных графинь, разумеется, Иде было далеко, но в нюансах она не разбиралась, а потому мечтать о большем пока не могла.

В дверь комнаты негромко постучались.

— Войдите, — отозвалась Аста. — Мы закончили.

Уже в следующее мгновение на пороге появился Вальтер. Сегодня на нём был коричневый костюм, идеально уложенные усы завивались вверх, из кармана сюртука виднелся платочек, а под сюртуком отливал серебряными нитями светлый жилет. Вальтер оценивающе взглянул на Иду: девочка обернулась и одарила его улыбкой, такой радостной и безмятежной, что мужчина невольно удивился. Она заигрывающе покружилась перед ним. Тёмные локоны взмыли вверх, точно им отдали давно утраченную лёгкость.

— Этот образ очень идёт тебе, ты прекрасна. — Комплимент из его уст польстил Иде, и улыбка её приобрела оттенок ехидства. Девочка остановилась, слегка вздёрнула подбородок и вновь повернулась к зеркалу.

— Оставьте нас, Аста.

— Конечно. — Не заставляя себя ждать, экономка поспешила удалиться. Напоследок она ещё раз взглянула на Иду, вспоминая, какой увидела её впервые, хмыкнула и подумала, что опрятные вещи и мирная обстановка способны изменить людей. Вальтер прикрыл за ней дверь и прошёл вперёд. В этой комнате было светлее, чем в остальных, пахло деревом и гвоздикой. Ничего лишнего не обременяло пространства: не было ни ковров, ни обоев, только широкое окно, вид из которого выходил на дорогу и соседние поместья, было завешено кружевным тюлем.

Ида продолжала любоваться собой, воображая, как она едет на поезде в сопровождении знатных дам. Они рассказывают ей истории, а она, непременно, отвечает им что-то очень умное, после чего все восхищаются и хвалят её. Вальтер осторожно присел на стул в отдалённом углу, на спинке которого висело старое платье Асты, закинул ногу на ногу и раскрыл блокнот, который прежде держал в руках, взглядом скользнул по последним записям, затем обратился к девочке.

— Как тебе твой новый образ? Нравится платье?

— Да! Я теперь… как те дамы. Теперь меня можно звать «леди». — Ида кокетливо взялась за юбку и попыталась состроить милое личико. Вышло довольно неказисто, и от досады девочка скорчила гримасу.

— Ты хотела этого? — Вальтер сделал акцент на последнем слове, подчеркивая смысл вопроса.

— Конечно! Кто же не хочет такого платья? Разве не в этом счастье?

— А ты считаешь, что в этом счастье? В наряде?

— И в еде, в большом доме, где никто не пытается избить или унизить. — Ида вспомнила тётку не без злорадства. «Она-то по-прежнему живёт на отшибе и делит последние крошки со своим сынком. Она сдохнет, как мерзкое животное, а я нет. Я буду жить, как люди большого богатого мира». — Говоря проще… счастье там, где тебе хорошо, сыто и красиво.

— Значит, лучший мир соответствует твоим ожиданиям. Как думаешь, достойную ли цену ты отдала за это?

Лицо Иды слегка помрачнело, а счастливая улыбка сползла, явив вместо себя настороженность. Давать ответ она не спешила. В отражении зеркала Ида нашла глазами господина. Тот сидел в расслабленной позе и внимательно за ней наблюдал. «Почему он задаёт так много вопросов? Хочет, чтобы я призналась в том, что не убивала Густава? Как много хочет… ха! Я ничего ему не скажу. Не теперь».

— Да, — ответил она, как можно уверенней. Глаза Вальтера сузились, словно бы в попытке распознать ложь, но Ида смотрела на него так, как будто слова были чистой правдой.

— Хорошо. В новой жизни не должно быть места для сожалений о том, что безвозвратно ушло. У меня созрело к тебе предложение.

— Какое? — Заинтересованная девочка развернулась.

— Видишь ли… в новом мире всё не так просто, как может показаться на первый взгляд. Для того, чтобы получать привилегии вроде платьев и вкусной еды, нужны деньги. А чтобы заработать деньги, нужно что-нибудь уметь. Например, шить или учить иностранным языкам, или лечить людей. Можно стать сестрой милосердия. Хорошая работа для девушки вроде тебя. Но для этого нужно образование — определённые знания, которые помогу тебе кем-то стать. Как ты смотришь на то, чтобы учиться в интернате?

Ида задумалась, прокручивая в мыслях новое незнакомое слово.

— А что это?

— Место, где тебя научат азам чтения, счёта и письма. Это крайне полезно в нашем мире, даёт массу перспектив к развитию. Образованные люди ценятся выше, чем глупцы.

— А красивые дамы из поезда учатся в интернате?

— Кхм… не совсем. Они, как правило, заканчивают специализированные пансионаты благородных девиц, многие получают образование на дому, с приглашёнными профессорами. Интернат он… несколько проще, но это не значит, что хуже. В самый раз для того, чтобы выучить основу.

— А я смогу понимать кучу чёрных символов из книг?

— Да, разумеется, если будешь упорно заниматься чтением.

— Тогда я согласна! — тут же выпалила девочка. Предложение показалось перспективным: Ида вспомнила про листок, что вырвала из серой книги доктора в поезде, но, увы, не смогла прочесть. И вот проблема решалась сама собой. Она сходит в этот интернат и наконец-то поймёт, что там написано. Вальтер что-то записал в блокнот. Иде было любопытно туда заглянуть, но пока она всё равно бы ничего не поняла. Тем сильнее стало её желание получить образование.

— Тогда я всё устрою, а ты пока что адаптируйся в доме. Если что-то понадобится, обратись к Асте или непосредственно ко мне.

***

Девочка мерила шагами комнату, размышляя о том, что ждёт её в дальнейшем. Она ступала босыми ногами по мягкому половику, каждый раз представляя себя идущей по облаку. Ворсинки легонько щекотали ступни, и несколько раз Ида останавливалась, чтобы помять их пальцами. «Интересно, как выглядит этот интернат? И как меня научат читать? И книги эти… ведь их же кто-то создаёт. Кто тратит так много времени на то, чтобы заполнить страницы чёрными символами и зачем?»

Из размышлений девочку вырвал звук приближающихся шагов. Ида остановилась и прислушалась. Кто-то негромко, но настойчиво постучался, однако не к ней. Осторожно пробравшись к двери, девочка её приоткрыла и подставила глаз к щели. В коридоре стояла высокая девушка, одетая в строгое серое платье с высоким воротом и длинными рукавами. Её наряд был лишён излишеств, но хорошо сидел на ней. Статностью незнакомка ничем не уступала дамам с перрона. Светлые волнистые кудри были собраны лентами в замысловатую причёску, осанка поражала прямотой, будто плечи и голова держались на невидимых струнах. Она терпеливо ждала, пока откроется противоположная дверь, та самая, ранее заинтересовавшая Иду. В девочке проснулся былой интерес. «Кто она такая и что здесь делает? Она ведь туда не попадёт». Однако через несколько мгновений щёлкнул замок, и дверь приоткрылась со скрипом, гласившим о том, что петли требуют смазки.

— Добрый день, Уильям. — Голос незнакомки был похож на звучание арфы: мелодичный и мягкий. Ида немного расширила щель, чтобы лучше её рассмотреть. Мальчик, появившийся на пороге, мелькнул, словно, тень и тут же исчез, а дама в сером одеянии зашла в комнату вслед за ним. В последнее мгновение она обернулась, и Ида тут же отпрянула назад, боясь, что её заметят. Она слышала, как закрылась дверь, но лишь через пару мгновений позволила себе вновь посмотреть в коридор. Теперь он пустовал.

«Значит, это комната его сына. Но почему она всегда закрыта? Какой-то он нелюдимый, только вот дам к себе пускает, и не каких-нибудь, а явно старше него. Кто она ему? Сестра? Жена? Подруга?» В голове Иды бушевал вихрь вопросов: они выскакивали сами по себе, и метались по разуму, не находя ответов. «Надо подождать, пока она уйдёт, а потом обо всём расспросить», — решила девочка. Спустя несколько мгновений она вернулась к прежнему занятию: в очередной раз покружилась в новом платье и подумала о том, как вскоре сложится её судьба.

***

— Ах ты, свинья! Я тебе говорила! Говорила, не таскать хлеб! Говорила?!

Густав упал на пол и сжался в напряжении, прикрывшись худенькими ручками. Тётка колотила его влажной вонючей тряпкой и громко кричала. Мальчишке показалось, что изо рта её вот-вот повалит пар, так она была увлечена. Сальные волосы, собранные в пучок чёрным шнуром, растрепались и теперь нелепо торчали во все стороны. Готовые выкатиться от ненависти глаза, смотрели на сжавшегося мальчишку, будто взглядом можно было убить.

— Сначала к чужим присел, теперь и дома свинья свиньёй! Я говорила тебе, что ты наказан?! Говорила?! Ах ты! Воровать удумал! Крысой быть удумал?! Да я тебя взгрею! — Она с яростью колотила Густава, иной раз и кулаками, думая, что прикладывает мало силы. А мальчик, как жалкая добыча, свернулся на холодном полу, глотая слезы. Ему казалось, что он умирает от голода и эти побои лишь быстрее приблизят срок. Желудок пронзала резкая боль, временами казавшаяся страшнее, чем тёткины удары. Густав снова не понимал, за что его избивают. Он ведь был хорошим мальчиком, просто уже не мог сдержаться. Он должен был утянуть тот сухарь, или бы умер… умер или вонзил зубы в чью-нибудь плоть. Впрочем, тётка успела заметить и вырвала сухарь из его рук раньше, чем мальчик успел открыть рот. Она налетела, как бесноватая фурия и била, словно за все земные грехи.

— Проклятый мальчишка! Сдохнешь, как и твоя сестрица! Даже трупа никто не найдёт!

Густав подумал об Иде: она всегда вступалась за него, не позволяла тётке так зверствовать, хоть и получала не меньше. Сестре всегда удавалось найти ломоть хлеба, даже если приходилось ограбить слабых. Густаву было трудно её осуждать. Братская любовь позволяла всё прощать, но вот… что-то между ними переломилось. «Она пыталась убить меня, пыталась ведь». Ида исчезла из его жизни, не оставив от себя ни следа, ни тени, и только тёткины кулаки не позволяли Густаву забыть, что он часть этой отвратительной жизни. Иногда ему казалось, что у него вовсе не было сестры, но потом её лицо вставало перед глазами, и Густав вздрагивал.

Тётка снова избивала его и кляла последними словами. Ярость выплёскивалась через отрывистое дыхание. В какой-то момент ей надоело. Она выронила тряпку и, тяжко рухнув на деревянный стул, заплакала. Да, она действительно заплакала. Густав прежде никогда такого не наблюдал. Её плач напоминал что-то среднее между хрюканьем и тихими завываниями. Так плачут не от боли, а от бессилия. Мальчику не было её жаль. Женщина опустила голову и закрыла лицо руками. Плечи мелко подрагивали, она сгорбилась и отвернулась.

«Избила меня, а плачет. Дурная», — подумал Густав, не меняя положения. Опасно выпрямляться… вдруг опять набросится? Зелёные сопли текли из его носа, временами раздуваясь пузырями и мешая дышать. Он осторожно вытирал их ладонью, но это не спасало.

Зажмурив глаза, из которых не переставая лились слёзы, мальчишка вспоминал грязную воду реки, то, как сестра крепко держала его, хотела, чтобы он захлебнулся. Злая шутка? Нет. Он попытался воскресить в памяти испуганное лицо, вспомнил, как она сидела на берегу в куче мусора, а затем убежала. Она убежала в неизвестность, чтобы умереть, и с тех пор о ней никто не слышал. Даже тела не нашли. «Ради чего она это делала? За что? Неужели ненавидела меня? Я так замучил её тем, что был слаб?» Густав не мог найти достойных объяснений, но поступок сестры превратил его и без того не сладкую жизнь в ад. Сначала он едва не умер. Испытывая сильнейший шок, побоялся вернуться домой, потому и попросил приюта у друга. К несчастью, был найден тёткой, избит и лишён последних крошек хлеба, а сейчас, всего лишь пытаясь продлить жалкое существование, стал воришкой.

— За что нам это? За что? — вытирая слёзы, тихо причитала тётка. — Зачем так жить? Ах, дети, дети… Дали б вам сил спастись или убили наконец. — Её рука потянулась к столу, на котором лежал сухарь, вероломно вырванный из рук мальчика. Она сжала его в потной ладони, будто последний медяк, затем кинула Густаву. — На, жри. Захочешь сдохнуть, так не на моём полу.

Сухарь упал возле мальчишки, и тот сразу же схватил его, будто боялся, что тётка передумает. «Неужели она будет избивать меня каждый раз, когда я захочу поесть?» Густав крепко прижал сухарь к груди. Драгоценность. Невиданный дар. Он будет рассасывать по кусочку. Такой способ помогает создать иллюзию насыщения. Все деньги мира ничто рядом с этим сухарём, рядом с возможностью дышать чуть подольше.

***

Ида дождалась, когда девушка в сером скроется из виду. Она пробыла в комнате Уильяма не меньше трёх часов. «Чем они там занимались?» Гадать было бессмысленно, Иде ничего не приходило на ум. Оглядев свою комнату, она придумала не так много занятий в ней. Девочка высунулась за порог, подошла к соседней двери и дёрнула за ручку. Закрыто. На сей раз уходить быстро она не собиралась, а потому решила постучать. Прошло несколько мгновений, но никто не открыл. Ида удивилась и постучала вновь. По ту сторону послышалось шарканье ног.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.